

О темах детских книг

Ежедневно наши писатели, издательства, редакция, так или иначе связанные с детской литературой, получают сотни писем, написанных то крупными старательными чертками переписки, то быстрым и уже вполне уверенным — подростка, окончившего школу. В этих письмах ребята настойчиво требуют новых книг. И не просто требуют, а дают советы писателям, подсказывают им темы, героев будущих произведений. Дом детской книги собрал письма детей и составил из них своего рода тематический перечень, который в сущности может служить хорошим перспективным планом для издательства детской литературы.

О чем же хотят читать дети? В первую очередь, они требуют книг о жизни и деятельности Ленина и Сталина. «Прочти мне книгу про жизнь дорогого и любимого вождя и учителя И. В. Сталина», — пишет мальчик 12 лет. Настоятельно просят ребята написать книги о соратниках товарища Сталина. Во множестве писем школьников высказывают желание прочитать новые произведения о нашей Родине, о героических подвигах советского народа, о строительстве новых городов, о моряках, пограничниках, летчиках и т. д. Советские дети хотят знать о прошлом страны — о походе Суворова, о войне со шведами, об Иване Грозном и о том, как жили дети в царское время. Они хотят знать и о будущем. «Как будет выглядеть наша страна после нескольких сталинских пятилеток?» — предлагает тему один юный читатель. Другой просит написать книгу «о жизни, когда коммунизм будет во всем мире». Ребята хотят читать повести и рассказы о жизни школьников у нас и за рубежом, хотят, чтобы были книги об учителях, о пионерах и комсомольцах, о дружбе, о товариществе, о том, как «закалить свою волю». Необязательны запросы, касающиеся научно-художественной и научно-фантастической литературы. Обо всем хотят знать наши дети, интересы их необычайно широки и многогранны.

Советская детская литература достигла успехов, невиданных ни в какой другой стране. Она — самая передовая в мире, ибо выполняет высокие задачи коммунистического воспитания детей. Уже созданы произведения, в которых воспитывались и будут воспитываться поколения молодых граждан социалистической страны.

Но бесспорные достижения нашей детской литературы не должны заслонять от нас ее крупные недостатки. XIII пленум правления Союза советских писателей в своем постановлении отметил:

«В детской литературе недостаточно отражены темы нашей современности. Еще мало создано книг о выдающихся деятелях большевистской партии и советского народа, о героическом труде наших людей, о школе и учителях, о пионерах, о комсомольцах, о богатствах советской Родины, о достижениях советской науки и техники».

После пленума прошло полгода. Сроду достаточный для того, чтобы посмотреть, как выполняются недостатки детской литературы, как писатели, комиссия по детской литературе ЦСП и издательства решают задачи, поставленные на пленуме.

Всем памяты горячие выступления на пленуме о необходимости создания книг, посвященных советской школе, пионером и комсомольцам, речи о том, что жизнь наших школьников не наша еще полностью художественного воплощения в творчестве детских писателей.

В настоящее время большой отряд писателей работает над повестями о школе, о пионерах и комсомольцах города и деревни, об их учебе и труде. Работа над этими произведениями у многих писателей близится к концу, некоторые книги уже сланы в издательства и печатаются отрывками в журналах. Этим темам будут посвящены книги А. Мусатов, И. Василенко, М. Прилужавой, Е. Ильиной, Л. Воронковой, В. Осеевой, С. Георгиевской, И. Дика, Ю. Сотника, Е. Катерины, писателя братьев республик — С. Улу-Заде, Г. Степанова и других. Несомненно, что в создании произведений о школе произошел заметный перелом и что эта тема заняла большое место в творчестве детских писателей.

Вместе с тем другие, не менее важные темы, пока еще не получают должного отражения в детской литературе. Слабо выполняются важнейший пункт решения пленума о необходимости создания биографических повестей о выдающихся деятелях большевистской партии и советского государства, жизнь которых является великим примером для многих поколений. Необходимо, чтобы лучшие мастера литературы взяли на себя почетную

задачу — создание книг о вождях и героях советского народа. Недавно комиссия по детской литературе ЦСП рассматривала план редакционной работы Детгиза, а также планы областных и национальных издательств. Оказалось, что тема героического труда советских людей — рабочих, колхозников, ученых, тема борьбы за мир занимают в этих планах незначительное место. Так, например, в плане редакционной работы Детгиза для детей среднего и старшего возраста (11—16 лет) в разделе «Современная художественная литература» — двадцать пять новых книг советских писателей. Из них только две книги о советских людях, трудящихся на заводах и фабриках, создающих машины и вырабатывающих хлеб. Все остальные рассказывают о жизни детей — сегодня, в годы гражданской войны, в довоенное время. Возражение вызывает, разумеется, не то, что много книг о детях. Честно и хваля писателям, создающим художественные произведения об учебе и труде наших ребят. Ведь и в книге, где герои — дети, может быть нарисован большой мир социальных явлений. Хороший пример «Степное солнце» П. Павленко, где показана героическая работа наших колхозников, воспринятая глазами ребенка. Но речь идет о другом: некоторые работники детской литературы вообще считают, что для детей надо писать только о детях, что это для них доступнее и понятнее. Неправильное, вредное мнение.

Еще Белинский писал, что «для детей предметы те же, что и для взрослых людей, только изложенные сообразно с их понятием, а в этом-то и заключается одна из важнейших сторон этого дела». Убеждает нас в этом классическая литература для детей и множество произведений современных писателей, написанных не о детях, но ставших любимым чтением детей. Вспомним хотя бы Мересьюва!

Несомненно, дети любят читать книги о своих сверстниках. Герой, одноклассник читателя, является примером для подражания. Таким был и остался гайдаровский Тимур. Но с самых ранних лет ребенка влечет и более широкий мир. Он представляет собой знакомый стахановец, прославившийся путевственным комсомольцем, летчиком, ученым, изобретателем... И герой взрослый всегда найдет живой отклик в сердцах юных читателей. Это их славное будущее, это ответ на вечный детский вопрос «Кем быть?» Поэтому, естественно, что показом жизни детей не исчерпываются задачи детской литературы.

Дети — будущее хозяева страны социализма — должны хорошо знать и ценить труд советских людей, должны понимать, что их собственные занятия, учеба — это лишь подготовка к тому, чтобы стать достойным гражданином своей Родины. Ребята у нас охотно помогают взрослым в их труде — собирают яблоки в поле, выращивают опытные растения и т. д. Писатели, всемерно поощряя эти стремления, должны в то же время научить детей понимать, что успехи нашей жизни определяются, прежде всего, трудом их отцов и матерей, должны научить с уважением относиться к их работе.

Весьма важен вопрос о создании научно-художественных книг. Их готовится довольно большое количество. Многие из них весьма важны по теме. Но все эти книги для детей самых старших возрастов — о ракете, о радио, о метеоритах, об автоматике и телемеханике и о многом другом.

Наша наука идет вперед, и писатели обязаны рассказать юным читателям о ее достижениях. Но ведь есть малышки, которым литература должна помочь узнать то, о чем старшие уже давно знают. Кто сегодня рассказывает детям, отчего идет дождь, снег, почему день сменяет ночь, как несут хлеб? Кто, как не писатели, должны рассказывать маленьким «почемучкам», отчего все в мире происходит? Но таких книг у нас нет, а они должны быть.

Нет настоящего перелома в создании произведений для маленьких детей. По-прежнему для них запланировано мало книг, узок круг авторов, работающих для дошкольников, узок круг тем.

Мало что изменилось за полгода, прошедшие после пленума и с точки зрения жанровой многообразия детской литературы. По-прежнему планируются мало веселых стихов и рассказов, мало научно-фантастических и приключенческих книг, так любимых детьми.

Комиссия по детской литературе, издательства должны ориентировать писателей на изображение большего круга жизненных явлений, должны шире привлекать к созданию произведений для детей наших крупнейших писателей, ученых, бывалых людей. Широкий круг авторов позволит расширить и тематику детской литературы.

Нужно постоянно помнить слова М. Горького, который говорил: «Вопрос о темах детских книг это, разумеется, вопрос о линии социального воспитания детей».

Вместе с тем другие, не менее важные темы, пока еще не получают должного отражения в детской литературе. Слабо выполняются важнейший пункт решения пленума о необходимости создания биографических повестей о выдающихся деятелях большевистской партии и советского государства, жизнь которых является великим примером для многих поколений. Необходимо, чтобы лучшие мастера литературы взяли на себя почетную

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 66 (2657)

Вторник, 8 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

Строители на Ленинских горах

«...Садилось солнце, купола бистелл, город стаял на необозримое пространство под горой, свежий ветерок погулял на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присагнули, в виду всей Москвы, пожелтовать нашей жизнью на избранный нами борю».

Так рассказывает А. И. Герцен о своей и Огарева клятве на Воробьевых горах — знаменитой клятве, которая «была свято исполнена: это доказала вся жизнь наша». Здесь, на Воробьевых горах, было положено начало упорной и целеустремленной борьбе с царизмом, борьбе, которую Герцен и Огарев вели всю свою жизнь в России и за ее рубежами.

Всякий раз, когда приходишь на Воробьевы горы, вспоминаешь об этой клятве. Все так же расстилается необозримая Москва. Все так же шумит листва деревьев, колеблемая свежим ветерком. И кажется, слышишь звуки здесь взволнованные слова юной, вступающей на путь суровой и трудной борьбы за счастье народа...

Но это счастье, которое Герцен и Огарев могли видеть лишь мысленным взором в туманной перспективе далекого будущего, ныне стало уже явью, отчетливо видящимися отсюда, с Воробьевых гор. Горы эти давно уже названы Ленинскими. И с их высоты по-новому выглядит необозримое пространство старинной русской столицы, ставшей ныне столицей всего просвещенного мира, всего прогрессивного человечества. Незунаваемо изменилось и место знаменитой клятвы. Ныне здесь стоит крупнейший научный центр, самое большое на земном шаре высшее учебное заведение — новый университет, который достойно украсит счастливый мир коммунизма.

... Мы вступаем на строительную площадку... Впрочем, можно и назвать площадкой огромную территорию, в центре которой уходят вывесы этажи металлического каркаса, окруженного огромной лагуной будущих соседних зданий? Впечатление такое, будто здесь строится целый город. По нескольким дорогам движутся десятки автомашин, шум поездов... Язык книг на всем пространстве, охваченном быстрыми и сложными ритмом стройки. Обиты вокруг стен основного здания — это значит совершить прогулку длиной в три километра. А стройка распространяется гораздо более широко. Ведь дело не ограничивается только одним научным и жилыми корпусами.

А. Воронков, начальник этого мощного строительства, рассказывает: «По инициативе товарища Сталина здесь будут созданы все необходимые условия для учебной и исследовательской научной работы... И пока он говорит, я пытаюсь вообразить то, что возникает здесь в недалеком будущем».

Над Москвой, в одном из самых высоких и красивых районов столицы, сверкая на солнце белокаменными стенами, тысячами зеркальных окон, поднимается и небу светлый и радостный город науки. Красивые, просторные, самые большие на земле корпуса факультетов огромными стройными башнями встанут над рекой. К ним примкнут комфортабельные дома студенческих общежитий: тысячи квартир, оборудованных по последнему слову лучшей в мире советской строительной техники. Квартиры для профессоров, театр, спортивные залы, стадион, столовые, библиотеки, магазины, детские ясли, астрономическая обсерватория, гидрологическая станция, агроботанический мичуринский сад с экспериментальными оранжереями и теплицами, учебно-метеорологическая станция, почвенный стационар...

Всего не перечислишь. И все это — не далекая, призрачная мечта, все это — близкая реальность. Огромный волевыми строительств борется за скорейшее окончание работ. Недаром на доске, стоящей в центре строительной площадки, и в многотражко «Строитель университет» сообщается: «527 дней осталось до конца строительства университета», «521 день...», «514...» Каждый день — это шаг к осуществлению грандиозного сталинского замысла. Каждый день — это этап реализации поистине великого плана, разработанного сплоченной группой архитекторов, инженеров, техников.

И если подняться на высоту главного корпуса будущего дворца учебы, туда, где сверкает рубиновая звезда соревнования строителей, то можно воочию видеть, как на глазах растут и тянутся вверх металлические конструкции, как возводятся стены, как движутся вперед на монтажных и каменщиках обложившихся, одевающие здания в нарядную белокаменную одежду.

Многое видно с этой большой высоты. В излучине серебряной реки сверкает золотом купола Кремля. А вокруг Кремля — огромный, вечно живой, полный энергии и силы наш любимый город, наша Москва. Вот едва различимое старое здание университета. Там идут сейчас приемные экзамены. И сотни юной и девушек, собравшихся со всех концов стра-

Анатолий СУРОВ

ны, мечтают о тех днях, когда они будут заниматься в новых, прекрасных зданиях, контуры которых уже виднеются далеко за Московской-рекой. Вот тянутся к небу каркасы других высотных зданий: у Смоленской площади, у Красных ворот, на Котельнической набережной и во многих других местах эти здания поднимаются уже на десятки этажей. Ночью, когда закрываются огни на высоте, достигнутой за день, становится особенно отчетливо ясно новый, небывалый доселе масштаб социального труда. Отныне высотных зданий сверкают в небе где-то между звездами и светлым морем городских огней... Это огни коммунизма — свет человеческого счастья.

Все, что мы видим на строительстве университета, свидетельствует о рождении нового человеческого общества, которому органически чужды злокачественные пороки буржуазного мира. Здесь все ново, все дышит здоровьем и силой. Небоскребы Манхэттена, созданные империалистами Штатах, воплощают в себе упрямую страсть к наживе и войне. Их пафос — это пафос насилия, пафос угнетения, торжества жестокости и человеконенавистничества. Не случайно небоскребы сжались в кучу на тесном американском клочке земли. Там изобретаются новые виды смерти, там финансируются проекты новых войн, оснащенных атомными и водородными бомбами, бактериологическими снарядами, газами, — всем тем, о чем с наибольшей умышленной бредят хозяева небоскребов. Небоскребы Америки — это воплощение империализма, это символ власти, опирающейся на насилие, грабеж, войну.

Стоит только взглянуть на наши высотные здания, чтобы понять, насколько отличаются они от этих американских зданий-монстров. Простор, свет, свобода — вот то впечатлительное, которое произведет они уже сейчас. Каждое из них несет в себе плеск подлинного гуманизма. Здесь все служит счастью народа, здесь все говорит о торжестве свободного духа, о полете высокой и ясной мысли. Дворец науки, город науки, каким является новое здание университета, — лучший тому пример. И сам по себе факт уверенной, напряженной, вдохновенной работы на его строительстве лучше всяких слов показывает, насколько далека советские люди от последнего, злобного стремления разжечь военных пожар, от стремления, которое порождено врагами прогресса, врагами трудового человечества.

Настает время, когда затихнет всеядный уверенный шум огромной стройки. Благоговейная тишина разольется по Ленинским горам. В аудитории войдут ученые. Академики, профессора, питомцы отечественной науки войдут в те светлые залы, очертания которых угадывались сейчас за стальным каркасом конструкций. Их встретят тысячи внимательных, пытливых глаз. По латам бумаги побегут торжественные строчки. Начнутся лекции. А в лабораториях вокруг микроскопов и химических коб, у сложнейших приборов развернется упорная борьба за новые достижения человеческого разума. Биологи, постигающие тайны жизни, астрономы, изучающие космические пространство, геологи, отыскивающие новые богатства в недрах земли, — все найдут здесь идеальные, безупречные условия для научной работы, для творчества, воодушевленного любовью к народу.

Болельщик строителей университета единодушно поднимал Стокгольмское Воззвание, и это событие не было просто формальностью. Как могут люди, создающие дворцы передовой науки, не высказать свое отношение к планам провокаторов империалистической войны? Как могут люди, отдающие все свои силы радостному мирному труду, без гнева говорить о распоясавшихся атомщиках, уже показавших свое зверное лицо и свои истинные цели в далекой Корее?

Советские люди поднимаются на леса новостроек не для того, чтобы здания, сооруженные их руками, стали мишенью чужеземных воздушных пиратов. Мы строим новый мир с твердой решимостью отстоять его, отстоять свое будущее, свою молодость, свою науку. Мы хотим мира, ибо знаем, что такое счастье. И рука плотника, каменщика, сварщика тянется к перу, зовущий к борьбе за мир. Стокгольмское Воззвание в нашей стране подписано 115 миллионов 275.940 советских граждан. Каждая подпись — это ступень человеческой воли.

А эта воля творит чудеса! Среди строителей такие люди, как Петр Жаворонков, бригадир монтажников, сумевший в лютые морозы, когда температура падала до 35 градусов ниже нуля, вести сложнейший монтаж конструкций на высоте двенадцатого этажа. Жаворонков —

старый уверенный мастер. Но и молодые не уступают ему.

Вот двое сверстников — Иван Богомолов и Владимир Лебедев. Обим по двадцать пять лет. Оба прошли сквозь огонь войны: Богомолов служил во флоте, участвовал в боях с японскими империалистами, Лебедев сражался с гитлеровцами. Оба — среди передовых людей строительства. Оба отдали много усилий работе над собой, самообразованием. Они воевали за право строить, за счастье создавать. Не таков ли и весь наш народ, возмужавший в боях, увлеченный ритмом строительства нового мира!

Среди строителей много молодежи. О чем они мечтают, бетонщики, читающие Герцена, арматурщики, влюбленные в Маяковского, плотники, с увлечением декламирующие Пушкина? На этот вопрос легко всего ответить тому, кто побывал вечером в их общежитиях. Здесь не только отдыхают после трудного рабочего дня, — здесь занимаются. В нарядной девушке, углубившейся в учебник по истории, вы узнаете камонщицу, так уверенно работающую днем у вас на глазах на высоте многих этажей. В газете строителей вы прочтете стихи, которые расскажут вам много:

«Чтобы строить, надо знать...»
Выполняем сталинский наказ.
На тетради падают закаты.
Заполочен не гаснет свет у нас.
И сидишь, склонившись над страницей,
Над расчетом эллипсов и призм.
Это нам Ильич сказал:

«Учишься...»
Заглянув сквозь годы в коммунизм.

Эти стихи Тамары Викентьевой хорошо говорят о самой сокровенной мечте молодежи: мечтает она учиться в том здании, которое строит. Комсомолка Горшкова и Лукомяка уже поступили в университет. Иван Богомолов и Владимир Лебедев стремятся к той же цели: в недалеком будущем они сдадут экзамены за десятилетку... Сотни других, занимающихся в школе рабочей молодежи и на дому, готовятся к этому. Их мечты сбываются! Таков закон нашего растущего мира: люди идут вперед и строят счастье для себя, для своих друзей. Недавние войны ныне — строители, завтра — студенты; вот каковы они, хозяева нашей страны!

Новые люди, новые принципы строительства — все здесь несет на себе неповторимую печать нашего отечества. Опыт, которым овладела строители, — это наш, отечественный опыт. А. И. Воронков, руководящий работами, строил ранее многоэтажное здание книгохранилища библиотек И. В. Ленина и другие крупные сооружения. Он вспоминает: когда строители пришли на место будущего университета, здесь были картофельные и капустные поля. Ныне это просто трудно поверить. Железная дорога доставляет металлические конструкции, изготовленные в Челябинске и Днепрпетровске, непосредственно «в дом» — в будущий главный корпус. И прекрасная отечественная техника с предельной четкостью обслуживает стройку. Вот «полуэкс» краны, созданные советским инженером Велиховым, — таких нет за рубежом. Нет там и многих других сложнейших машин, применяемых здесь, машин, спроектированных в нашей стране.

... Мы выходим за пределы строительств. Я слышу, как молодой уверенный голос произносит:
— Присагнули, в виду всей Москвы!.. Я оглядываюсь. На обыкновенной садовой скамейке сидит молодой человек с кляпой в руке. Его комбинезон покрыт пылью. Непослушная прядь упала на лоб. Улыбнулся, он читает вслух «Былое и думы». Его подруга, заслушавшись, смотрит вдаль. Комсомольский значок приколот к ее спортивному платью.

Несколько минут мы оживленно беседуем.
— Люблю ли Герцена? — не без удивления переспрашивает молодой человек. — Конечно! И как писать! Послушайте, а до чего это удачно, что мы на том самом месте университет строим!

Да, знаменательное событие происходит ныне в Москве. Строится Университет Коммунизма. Там, где встречается Герцен и Огарев, встретятся вскоре тысячи юной и девушек, предающих своей славою и свободной Отчизне, готовых отдать жизнь отечественной науке, ее процветанию, ее росту.

В добрый час начато это большое строительство. Огромны, неисчерпаемы силы страны. Она способна на грандиозные дела. Именно поэтому она полна радости создания, нехватки к поджигателям войны. С высоты университета открывается перспектива будущего. Она прекрасна. И на это будущее мы не позволим никому посягнуть.

Наша непреклонная воля к миру подтверждается ежедневно, ежедневно нашей осязательной деятельностью. И одно из ярчайших проявлений того, как советские люди хотят мира, строят мир, — грандиозное сооружение университета.

Международные

Отклики

ГАМЛЕТЫ ФОНДОВОЙ БИРЖИ

— Быть или не быть! — восклицает охваченный смертельным сомнением датский принц в трагедии Шекспира. Современные принцы и короли фондовой биржи Копенгагена, разумеется, весьма далеки от шекспировского героя. Тем не менее с некоторых пор и они терзаются мучительными сомнениями. Об их терзаниях поведал недавно миру журнал «Финанстиденде» — орган датских финансовых кругов.

В статье, помещенной в последнем номере «Финанстиденде», журнал оплакивает положение Дании после присоединения к Атлантическому пакту. Орган финансистов сетует на «легкомыслие» датского правительства и рикасда, слишком поспешно сменявших «не совсем безопасную политику нейтралитета на явно рискованный военный союз». Оказывается, правитель Дании, вступаая в агрессивный Атлантический блок, «не помнили реальных (!) политических последствий этого шага».

Что же повергло в уныние и трепет датских финансистов? Может быть, они возмущены тяжелым экономическим положением страны? Или их возмущает бесперспективное хозяйничанье в Дании новоявленных гудейтеров Уолл-стрит? Или они встревожены действиями правительства, торгующего датским суверенитетом?

Нет, все это «в порядке вещей» для датских тузов маршаллизованной Дании. Истинные беспокойства, вызвавшие потерю душевного равновесия датских финансистов, находится на весьма далеком расстоянии от датских берегов. Поражения интервентов в Корее — вот причина гамлетических сомнений господ финансистов.

Кое-какие опасения, как признает теперь «Финанстиденде», возникли и прежде. Однако датский премьер-министр Хедтофт добродушно заявлял, успокаивая своих хозяев: «Поживем-увидим». «А что увидим?» — горестно вопрошает журнал. — Увидим, между прочим, войну в Корее». Журнал многозначительно подтверждает, что освобожденная от интервентов и лисьяновцев часть Кореи, «в особенности города, подвергается разрушительным бомбардировкам со стороны войск, пришедших на помощь. Безнечные обстрелы ведут на всякий случай, поскольку среди них могут быть вражеские солдаты. Все ужасы войны предстают перед нашими глазами...»

Было бы ошибкой считать, что журнал датских банкиров осуждает американскую авантюру в Корее. Отнюдь нет. Финансисты — за агрессию, но они смертельно напуганы провалом своих американских хозяев. С тем большей яростью «Финанстиденде» обрушивается на правительство Хедтофта и рикасда за «легкомыслие и поверхностное решение самой крупной проблемы. Непростительно, что Данию заставляли все дальше в ловушку военного блока... Непростительно, что населению не рассказали, что присоединение к пакту означало решительное изменение датской политики, что Дании пришлось взять на себя непосильные экономические и политические обязательства... Следовать внешнеполитическому курсу, вытекающему из подписания Атлантического пакта, не согласившись с его последствиями, — это играть ва-банк с будущим Дании».

Эти опасения «Финанстиденде» довольно характерны. Ведь совсем недавно вся буржуазная печать Дании восхваляла Атлантический пакт. Подписывая его, правящие круги, очевидно, надеялись как-нибудь отделиться за спиной главного агрессора и даже пожить плодами будущих американских авантур. Будучи делами, ныне они ясно видят, что купили kota в мешке. Датские капиталы взбешены: их «обманули», посулили гнилой товар. Отсюда желчь и сарказм на страницах «Финанстиденде».

ЛИТЕРАТОР

КРОВАВЫЙ ГОСТЬ

Незаводо до вторжения южнокорейских войск на территорию Корейской народной-демократической республики Южная Корея посетил советник государственного департамента США Джон Фостер Даллес.

(Из газет 1950 г.)
Незаводо до захвата власти финансистами в Германии петлял представитель фирмы «Браун Бразерс, Гаррини и К°» Джон Фостер Даллес.

(Из газет 1933 г.)
Едва самолет, заревев в облаках, влился в суворовский аэропорт, Минстера в золотых очках окружил офицерский эскорт.

Куда он шагает по тайным тропам? Какие ему нужны перемены? К чему шатаются по грязным окопам Лопсему джентльмену? Он руку на север простер — к долинам, Где мирный взымался стог...

Не так ли из окон пыльных Берлина Позывал Гатлеру он на рейхстаг? Слуга компании «Браун Бразерс» — Она выполнил все сполна.

В те годы — рейхстаг запылял сразу, Сегодня — в Корее война. И — в благодрность за «науку», За деньги, полившиеся в карман, — Тогда его Гитлер знокал в руку,

Сегодня — палач Лян Син Ман. Причины «вождей» бизнес-бандитов Отныне для всех ясны.

Посланец алчного Уолл-стрита Всегда — посланец войны... Микола РУДЕНКО Киев

Перевел с украинского Ю. КАРАСЕВ

Редчайшее собрание корейских книг

АЛМА-АТА. (Наш корр.). В Казахстане государственной публичной библиотеке имени А. С. Пушкина находится одно из богатейших в нашей стране собраний корейских книг, имеющее совершенно исключительную ценность. Здесь хранятся манускрипты, старинные кириллические издания, а также много книг, напечатанных в прошлом столетии и начале нашего века.

Почти на всем протяжении истории Кореи орды завоевателей варварских уничтожали памятники ее литературы. Большинство старинных корейских книг, написанных до конца XVI — начала XVII века, погибли еще во время опустошительных набегов японских феодалов и манчжур. После захвата Кореи японцами, уже в начале XX века, корейские библиотеки были разграблены и большая их часть уничтожена. Так, погибла знаменитая со времен глубокой древности библиотека императорского дворца в Сеуле. Несколько других старинных библиотек японцы сожгли при кровавом подавлении мартовского восстания 1919 года. А сейчас марговое дело японских самураев пытаются довершить американские империалисты, уничтожая «воздуха» мирные корейские города, их культурные учреждения.

Варварское уничтожение ценнейших памятников корейской литературы привело к тому, что даже в крупнейших книгохранилищах мира мало старинных корейских книг. Тем большую культурную ценность приобретает алма-атинское собрание. В числе уникальных книг здесь имеются, например, «Монгук Тонган» в 50 томах и сборник императорских указов и законов Кореи за 500 лет — «Рюктен Сор». Надо отметить, что многочисленные собрания трудов по истории Кореи особенно редки; японская военщина уничтожила их в первую очередь, пытаясь стереть у корейского народа даже память о славном прошлом и былой независимости страны.

Огромный интерес представляет и знаменитая корейская энциклопедия «Мунхон-Биг», впервые изданная в Сеуле в 1770 году. Ни один историк не пройдет мимо хранящихся в библиотеке комплектов корейских газет 90-х годов прошлого века и начала XX века, т. е. периода, непосредственно предшествовавшего японской аннексии.

Наконец, широко представлена и корейская литература, как переводная, так и оригинальная, издававшаяся в дореволюционной России и в СССР.

К. САТЫБАЛДИН

335.000 новых студентов

В вузах страны идут приемные экзамены. На первые курсы намечено принять 335 тысяч студентов.

Особенно большой наплыв молодежи в высшие учебные заведения Москвы и Ленинграда. Но не каждому будущему студенту надо сдавать приемные экзамены в этих городах. Молодежь Узбекистана,

Азербайджана, Туркмении, Эстонии, Грузии, Казахстана, Армении и Киргизии сдает экзамены в столицах своих республик местным приемным комиссиям. По предварительным сведениям, из одной Алматы прибудут в Москву и Ленинград около 250 студентов.

В нынешнем году Министерство высшего образования СССР предоставило право сда-

чи экзаменов в республиканских комиссиях также юшам и девушкам некоторых автономных республик (Северо-Осетинской, Аджарской, Дагестанской, Башкирской и Якутской). В Чите создана местная комиссия, которая экзамеует в московские и ленинградские вузы выпускников средних школ Агинского Бурят-Монгольского национального округа.

КАЗАНСКИЙ ТАЙНИК

Некоторые время назад в большом сером доме на одной из главных улиц Казани был обнаружен «тайник» со скранным в нем кладом. Стоимость клада оценивалась в миллионы рублей.

Этот клад лежит там до сих пор, и неизвестно, когда он по праву перейдет в руки народа.

На стенах серого дома, в котором обнаружен «тайник», висят вывески некоторых союзных учреждений, которыми должна гордиться Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика. Это — здание республиканского Дома печати. Здесь находится Союз советских писателей, Татарское государственное издательство, республиканское Управление издательскими и полиграфическими предприятиями, большой книжный магазин, библиотечный коллектор, редакция ряда газет и журналов.

У татарского народа есть немало книг на родном языке. Мощная печатная фабрика имени Камля Якуба в Казани выпускает огромное количество книг для татар. Кроме того, она выполняет заказы других братских республик и уже второй год печатает учебники для Киргизии.

Но что за клад хранится в казанском Доме печати?

Речь идет об огромном книжном зале, о миллионах книг, скрытых от читателей. Татарское издательство выпустило в 1949 году около пятисот названий различных книг. Общий их тираж равнялся шести миллионам девяносто тысяч экземпляров. Было отпечатано сорок шесть миллионов листов!

Книги из типографий поступали в бытовую контору Татарского издательства (Торгбыт), которая, в свою очередь, связана с Книготоргом и потребительской кооперацией. Эти три «кита» книжной торговли и были обязаны передать книгу народу. Но татарская книга задержалась на складах. Пирамида свежотпечатанных изданий растет с угрожающей быстротой за счет книг, выпущенных в 1950 году.

На 1 июля этого года стоимость затоваренных книг исчислялась в 3 млн. 403 тысячи рублей, при чем большинство книг на татарском языке.

А между тем татарская книга рассчитана не только на казанцев и не только на живущих в Татарской АССР. Ее ждут на Тихом океане, в Казахстане, в киргизском городе Оше и во многих других республиках и областях, где живут татары. Заведующая Межбиблиотечным абонементам Татарской республиканской библиотеки им. В. И. Ленина тов. Гривова показывает письмо старшего мастера Тилокеевского флота Галимова. Моряк хочет читать на своем языке стихи татарского поэта Тукая, но нигде не может достать нужных ему книг. Матросу нужен также русско-татарский словарь, так как он задумал перевести русские песни. Абдраштова из Ростова-на-Дону просит прислать ей татарский песенник.

Не только в республиканскую библиотеку...

теку поступают запросы на книгу для татар из других республик и областей. В казанский «Бремль», где помещается республиканское Управление по делам культурно-просветительных учреждений, приходят письма из городов Горьковской области, из Тюмени и Киргизии. В письмах содержатся просьбы о присылке писем на татарском языке. А присылать есть что. В 1950 году напечатано 106 тысяч татарских писателей и 124 тысячи переводных. Пушкин, Чехов, Гребнев, Гоголь, Лермонтов, А. Островский, Шекспир и Мольер давно переведены на татарский язык.

Писем двухсот тридцати драматургов скрыты от народа. То же самое надо сказать о певцах и других произведенных композиторов.

Директору Татарского государственного издательства Закиму Тинчурину, по происхождению пензенскому татарину, часто пишут его земляки, умоляя прислать им книги на родном языке.

Двадцать пять республик, краев, областей Советского Союза хотят получить татарскую книгу, но не видят ее.

Почему? В ответ тов. Тинчурин рассказывает возмутительную историю вытараживания «Совет азбияты» («Советская литература»). Он издается уже 28 лет. Спрос на журнал велик. Но книга Татарское издательство попросило «Сократить» включать татарский журнал в общесоюзный каталог и обеспечить этим возможность повсеместной подписки. «Сократить» отказал издательству под тем предлогом, что журнал является «местным» изданием.

З. В. Тинчурин рассказывает, что руководители организации ряда краев и областей даже не желают обсудить возможность распространения татарской книги за пределами Татарской республики. — У вас есть Казань... Пу и торгуйте своей книгой у себя в Казани, — говорят они.

Как торгуют книгой в Казани, мы уже видели. Татарское издательство не борется за продвижение книги в народ.

Татарский народ и в своей автономной республике, и за ее пределами предъявляет большой спрос на самую разнообразную книгу на родном языке. Но книги лежат в казанском «тайнике». Главполитуправления, мы в этом убеждены, поможет Татарскому издательству выполнить свой производственный план (помочь ему надо!), и в первую очередь, разгрузит казанский книжный «тайник». Возникновение этого «тайника» — дело, из ряда вон выходящее. Исключительно по вине чиновников и нерадивых людей в стенах большой республики положены под спуд культурные ценности, принадлежащие народу.

Читатель продолжает разговор И охота — заброшенный спорт

Статья П. Вершигоры «Самый массовый и самый заброшенный вид спорта» вызвала не только туристов, но и спортсменов-охотников.

Сотни тысяч трудящихся проводят свой отдых в лесу с ружьем. Охота — это подлинно народный вид спорта, его увлекаются люди самых различных возрастов и профессий.

Тем более непонятно то равнодушие, с каким относятся к любителям-охотникам профсоюзные и спортивные организации.

Созданные после войны в республиках и городах добровольные общества охотников переданы Управлением по делам охотничьего хозяйства при Совете Министров союзных республик. Но общества эти по существу превратились в админ-

стративно-хозяйственные организации. Им не до массовой работы, — лишь бы выдать билеты на право охоты и с грехом пополам содержать охотничьи хозяйства. Спортсмены жалуются на малочисленность и плохое оборудование баз, на отсутствие инструкторов и пр.

Что же касается стрелково-охотничьих секций и стрелковых школ при спортивных обществах профсоюзов, то почти все они ликвидированы. Очень мало организаций, культивирующих спортивную стрельбу из охотничьих ружей по летним мишеням, а этот спорт дал множество метких стрелков.

Всероссийский комитет по делам физкультуры и спорта не интересуется развитием охотничьего спорта.

Евг. ТЕРНИК
ЛЕНИНГРАД

Ждите, скоро все получите...

«В 1-й типографии Трансжелдориздата царил праздничное настроение. Наконец-то со Шербаковского завода прибыла машина...» — так начиналась статья Л. Славина «О халтуре в полиграфическом машиностроении», напечатанная в марте этого года в «Литературной газете».

И у нас, в издательстве татарской районной газеты «За большевистские колхозы», было праздничное настроение. С приписки Бураевцев на реке Сухоня нам сообщили о прибытии в Шадринского завода типильной печатной машины марки «ТЦ». Это было 7 августа 1949 года. Однако разочаровались мы значительно быстрее, чем работники типографии Трансжелдориздата.

Из-за плохой упаковки, а может быть, и недоброкачественного изготовления, несколько частей машины «ТЦ» были поломаны и погнуты. Ящик с запятыми частями был разбит. Кроме того, не доставало электромотора и ножного привода.

В результате двухмесячной переписки удалось выяснить одно: электромотор и сразу замалал руками! — Я уж заплакал!

Оказалось, Госстанком, Госсантехинспекция успела уже наказат комбинат, оштрафовала тысяч на сорок. Штрафы платятся исправно, но очистительные сооружения не ставятся. И трудно даже подсчитать, какой ущерб причинен северов-ляндской степляри.

Такое же положение почти на всех прочих предприятиях Министерства лесной и бумажной промышленности СССР в Архангельской области. Новоду нарушают правительственные постановления, которые строго запрещают загрязнять открытые водоемы, требуют наладить очистку сточных вод, четко говорят нам: «И сточная, и целлюлоза, и селита, и лес!».

Можно ли, к примеру, проводить лесосплав так, чтобы он не вредил рыбе? Безусловно, можно! Для этого в устье сплавной реки надо устраивать не поперечную заваль, а продольную. Тогда рыба сможет проходить на нерест. А у нас из года в год ставят, скажем, на реке Шинге поперечную заваль.

Почему сплавщики не выполняют наших законных требований? Да по той же причине, по какой речники планируют взрывы — меньше хлопот.

В статье Ив. Яковлева «Рыба дальняя и ближняя» («Литературная газета» от 15 июля с. г.) верно поставлен вопрос о том, что рыбное хозяйство неминимум должно перейти ныне из стадии охотничьего использования «божьих даров» в стадию культурного животноводства.

И. КУЗНЕЦОВ,
начальник Северного управления рыбоохраны
АРХАНГЕЛЬСК

привод не были высланы заводом.

В начале января 1950 года, в ответ на наш запрос, с завода пришла письмо с предложением выслать заявку на недостающие и испорченные части. Мы выслали ее 16 января.

В конце февраля была получена долгожданная открытка из отдела сбыта Шадринского завода. Пас уведомляли: «...требуемые нами детали в ближайшем дни нами будут изготовлены, кроме электромотора, так как электромоторы мы получаем из Харьковского завода строго по фонду, а ножной привод и другие детали будут высланы. Просим перечислить деньги в сумме 400 рублей...»

Упомянутые 400 рублей перечислены в феврале. Пронес уже июль. А новая печатная машина бездействует.

Разве это не иллюстрация к вопросу о халтуре в полиграфическом машиностроении?

А. СИНИН,
редактор районной газеты
Село Тарногский Городок,
Вологодской области

Лес — рыбе не помеха

Передо мною лежат план работы нашего пароходства на 1950 год. По этому плану предполагается только на одной реке Вычегде уничтожить посредством взрывных работ 74 переката.

Называется это скромно: план углубления фарватера реки Вычегды. Я бы назвал иначе: план уничтожения рыбных богатств реки Вычегды. Ибо взрыв в воде уничтожает все живое. Не только семга, омуль, сиб и вся мелочь, служащая пищей крупной рыбе, должна погибнуть. Вычегда будет обезрыблена. А ведь при мощной советской технике можно убраться перекатами без взрывов. Недаром государство запрещает производить взрывы в водоемах, населенных рыбой.

Знают об этом речники? Да, мы предупреждали их, возражали против хладнокровного уничтожения рыбы. Но у них есть одно возражение: ничего, мол, не подделаешь, надо развивать речное пароходство.

— Или пароходство, или семга, — говорят нам. — Или сиб, или лесосплав. Или сточная, или бумага.

Лет двадцать назад славилась рыбой река Кузнечиха. Потом вступил в действие принцип: «силы семга, или целлюлоза» — в реку хлынули ядовитые сточные воды Коломбальского целлюлозного комбината. Сейчас Кузнечиха вышла из строя «рыбных» рек. Это мертвая река. А очистительных сооружений, которые обезвредили бы ядовитые отходы, хозяйственники никак не желают ставить.

Когда наш инспектор потребовал этого от директора Архангельского бумкомбината тов. Гехмана, тот и слушать не стал, а

инспекция успела уже наказат комбинат, оштрафовала тысяч на сорок. Штрафы платятся исправно, но очистительные сооружения не ставятся. И трудно даже подсчитать, какой ущерб причинен северов-ляндской степляри.

Такое же положение почти на всех прочих предприятиях Министерства лесной и бумажной промышленности СССР в Архангельской области. Новоду нарушают правительственные постановления, которые строго запрещают загрязнять открытые водоемы, требуют наладить очистку сточных вод, четко говорят нам: «И сточная, и целлюлоза, и селита, и лес!».

Можно ли, к примеру, проводить лесосплав так, чтобы он не вредил рыбе? Безусловно, можно! Для этого в устье сплавной реки надо устраивать не поперечную заваль, а продольную. Тогда рыба сможет проходить на нерест. А у нас из года в год ставят, скажем, на реке Шинге поперечную заваль.

Почему сплавщики не выполняют наших законных требований? Да по той же причине, по какой речники планируют взрывы — меньше хлопот.

В статье Ив. Яковлева «Рыба дальняя и ближняя» («Литературная газета» от 15 июля с. г.) верно поставлен вопрос о том, что рыбное хозяйство неминимум должно перейти ныне из стадии охотничьего использования «божьих даров» в стадию культурного животноводства.

И. КУЗНЕЦОВ,
начальник Северного управления рыбоохраны
АРХАНГЕЛЬСК

Редкостная история

Истца надо уважать. Это он первым приходит в суд. Но его настойчивому требованию заводится дело, вызываются свидетели, назначаются судебные заседания и выносятся решения.

Бывает, однако, что после того как судебное дело вступило в дебютные, истец отходит в тень. Вернее, его отводят. Начатое им дело вращается по инерции, и кажется, что истец — самый лишний винтик. Главное — дело-то заведено.

Перед нами дело, начатое, скажем прямо, необычным истцом. Этот истец — бригада из тридцати одного человека.

В июне 1949 года во 2-м участке нарвуда г. Кунцево вступила в строй действующих новая папка, на которой написано: «Дело № 22880 по иску бригады рабочих к шеточной фабрике Куницевского райкомбината».

Народный судья тов. Опошнин, ознакомившись с иском, проверив представленные в суд наряды и расчеты по ним, назначил дело к слушанию.

12 августа 1949 года во 2-м участке народного суда г. Кунцево было особенно людно. По делу явился тридцать один истец. Но не явился ответчик, — и дело отложили слушанием на 20 августа.

Так вылетел в трубу тридцать один рабочий день.

20 августа ответчик снова не явился. Тридцать один истец стоя выслушал новое решение суда:

дело слушанием отложить на 27 августа. Еще тридцать один рабочий день.

Ответчик упорно не приходил в суд. Дело, видите ли, гражданское, и директор шеточной фабрики изобразил этот несложный «метод», чтобы затягивать процесс: время все лечит...

Вот и шли заседания: тридцать один истец (полный рабочий месяц и даже без выходных дней!) стройными рядами шагала в суд; присутствовали и судья и народные заседатели, но, как всегда, отсутствовал только один человек — представитель ответчика. И слушание откладывалось... на сентябрь, октябрь.

29 октября суд, наконец, выносит решение — «бригада рабочих выполнила ряд работ, работы сданы и приняты, на что в деле имеются наряды, однако расчеты не все произведены». А по сему: «вызвать к шеточной фабрике в пользу бригады рабочих...»

По странная притя! Ответчик, подложа не проявлявший признаков жизни, не переставая дышать, помычал в облуд.

И 6 декабря облуд, по его жалобе, выносит определение:

«Решение нарвуда отменить и дело передать для рассмотрения по существу в нарвуд 6-го участка Куницевского района».

Оказывается, решение-то нарвуд принял в отсутствие ответчика...

А о том, что ответчик не хочет отвечать, что он избегает ответственности, — об этом молчок.

И так — все сначала.

Но, разумеется, что и в 6-й участке Куницевского нарвуда ответчик по установленной им традиции не являлся.

17 февраля 1950 года зал судебного заседания был переполнен. Явился тридцать один истец. Вого же не было? Ясно, кого!

По словам выступлений «Литературной газеты»

«КНИГА, ИЗВРАЩАЮЩАЯ ИДЕИ И. П. ПАВЛОВА»

В «Литературной газете» № 49 от 17 июня в статье «Книга, извращающая идеи И. П. Павлова» доктор медицинских наук А. Кабанов и кандидат медицинских наук Л. Болаченко подвергли критике книгу проф. В. Ефимова «Возрастная физиология» за серьезные идейно-методологические и фактические ошибки.

Обсудив эту статью, Ученый совет Научно-исследовательского института физическое воспитания и школьной гигиены Академии педагогических наук РСФСР, где ра-

15 апреля в нарвуде 6-го участка Куницевского района шарило большое оживление. Тридцать один истец... Отсутствовал только представитель ответчика.

4 мая лед, наконец, тронулся. Народный судья 6-го участка тов. Белашкин, не выдержав, решил наказат ответчика: за неоднократное непредставление в суд документов экспертизы подвезнуть директора фабрики денежному штрафу в сумме 50 рублей! А дело? Перенести на 4 июня 1950 года.

На этом кончается первый год судебного разбирательства дела № 22880.

Понед год второй. Вот тут-то дело приняло совсем неожиданный оборот. Судья Белашкин, да «навстречу» истцу, принял такое определение:

«У истца появилась сомнение... что будто бы допущена погрешка по рассмотрению этого дела». (Что за истец вынес! Всего год миновал, а он уже сомневается! И потому:

дело направить в 6-й участок Киевского района г. Москвы.

В 6-й участок Киевского района Москвы! Но почему, скажем, не во 2-й участок Комсомольска-на-Амуре? Это лютная тайна судьи Белашкина.

Ну, а дальше? Как и следовало ожидать, дело вернулось с разъяснением: ни истец (31 человек), ни ответчик (один директор) на территории Киевского района не проживают. Вумеранг вернулся к Белашкину.

Но судья Белашкин не успокоился, нет! 19 июня он направляет дело в Министрество юстиции РСФСР с категорической просьбой «объявить нарвуд Киевского района рассматриваемым».

Вот и шли заседания: тридцать один истец (полный рабочий месяц и даже без выходных дней!) стройными рядами шагала в суд; присутствовали и судья и народные заседатели, но, как всегда, отсутствовал только один человек — представитель ответчика. И слушание откладывалось... на сентябрь, октябрь.

29 октября суд, наконец, выносит решение — «бригада рабочих выполнила ряд работ, работы сданы и приняты, на что в деле имеются наряды, однако расчеты не все произведены». А по сему: «вызвать к шеточной фабрике в пользу бригады рабочих...»

По странная притя! Ответчик, подложа не проявлявший признаков жизни, не переставая дышать, помычал в облуд.

И 6 декабря облуд, по его жалобе, выносит определение:

«Решение нарвуда отменить и дело передать для рассмотрения по существу в нарвуд 6-го участка Куницевского района».

Оказывается, решение-то нарвуд принял в отсутствие ответчика...

А о том, что ответчик не хочет отвечать, что он избегает ответственности, — об этом молчок.

И так — все сначала.

Но, разумеется, что и в 6-й участке Куницевского нарвуда ответчик по установленной им традиции не являлся.

17 февраля 1950 года зал судебного заседания был переполнен. Явился тридцать один истец. Вого же не было? Ясно, кого!

Мы рассказали редкостную историю одного, вернее, тридцати одного истца. Но такие случаи бывають. Бывають нетерпимые, ненужные отяжки и задержки судебных дел. И не только в Куницево.

Задумывались ли судьи, когда попусташному и формальному поводу откладывали слушание дела, задумывались ли они, сколько часов, а порой и дней, терпят эти истцы, свидетели, эксперты? Много времени, дорогого советским людям и советскому государству, пропадает бесцельно в судебных коридорах.

Да, истца надо уважать. И прежде всего уважать его время! Наш суд должен быть не только праведным, но и скорым.

Мирный день на мирной земле

— В общем, мы с вами одних мыслей, Николай Моисеевич, — сказал председатель колхоза имени Пушкина Глебов. — Первое дело — скорее пустить электоростанцию.

Его собеседник, председатель Шахановского сельсовета Новак, кивнул головой: — Без электричества не поднять такое хозяйство.

— Надо поставить вопрос ребром перед областными энергетиками, — продолжал Глебов. — Электростанция нужна нам, как воздух. Ведь подумайте только — девятьсот гектаров одних пахотных земель! — произнес он с удивлением и гордостью.

Хотя прошло более двух месяцев с тех пор, как девять деревьев, пять колхозов Шахановского сельсовета объединились в один колхоз, но еще трудно было свыкнуться с мыслью о новых гигантских масштабах хозяйства.

Глебов поднялся из-за стола. — Нам не по пути? — спросил Новак. — Я — в Красные Замосьяны, — ответил Николай Моисеевич. — Планивать с Федоровым насчет перевода к ним птицеферму.

— А я — в Прохорово. Их агитатор на торфоразработке выехал, теперь я с ними. — Ну, счастливо, — сказал Глебов и вышел из правления...

Новак подошел к висящему на стене зеркальцу, приглядел свои коротко стриженные волосы и застегнул ворот гимнастерки, надевая под коротеньким пальто. С волнистой, отполированной зеленым покрытием зеркала на него глянуло узкое загорелое лицо, в котором, несмотря на густые волосы, морщинку у глаз и почти белые веки, было что-то мальчишеское задорное.

Минувшая пустынную в этот предполуденный час улицу, Новак вышел на околицу. Там, где дорожка крутым уклоном обогала вправо, Новак держал шага. Скорая выезда этого края, с его полянами, дугами, темным лесом вдалеке, с островками деревьев под кронами старых берез всегда была нова и радостна его сердцу. Уроженец далекой Черниговщины, он в дни войны кровью своей сроднился с этим краем.

Юрий НАГИБИН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Оказываясь на крутизне влажной дорожки, Новак кинулся в рохль.

Ох, и хорош же! Густая, руки не просунешь между колосьями, рослая, стройная, она уже приближалась к полевой спелости. Колос такой похвальный, что крепчайшие стебли — специальный сорт подбирала — начинают кланяться долу.

Отступившись, не видит ли кто, Новак померился ростом с колосом, они были, как близнецы, — одного роста...

Неплохой обещала быть и яровая пшеница. Как-то сомневался, что придется она на Смоленщине. Еле засеяная, с ровным, словно точеным, колоском, она отличалась чувствительностью по соседству со старожилками края — овсами и великолением, уже желтеющим людом.

«Убраться все быстро, без потерь — и этого Швернука придется поработать в этот год!» — подумал Новак словами песни. — День добрый!...

Евгения Большакова, молхозный агроном, как всегда озабоченная, суровая и словно чем-то обижаящая, вышла из хлебов с боковой тропки. В коротеньком пальтишке, едва доходившем до колен, с запыленными, испарившимися травой ногами, она казалась совсем девочкой. Большакова уже несколько лет назад окончила Горьковский сельскохозяйственный институт и пользовалась репутацией опытного и талантливого агронома. Новаку нравилась ее личная суровость, озабоченность, серьезность, доходящая до суровости, и то, что она постоянно недоуменно достижала. Сейчас у Большаковой было больше, чем всегда, оснований для озабоченности. Анжиковский колхоз, наиболее мощный среди объединившихся колхозов, ломая свой севооборот, чтобы подчинить его новой севообороту украинской арти.

— Куда путь держите? — спросил Новак. — К своим. На беседу.

«Овсами» Большакова называла бригаду анжиковцев, где она была агитатором.

— Тема? Большакова улыбнулась. Ясная, светлая улыбка открыла ее полные черты: неоформившиеся, детские нежные.

— Тема у нас с вами одна — мир. Все теперь для нас в этом слове!...

Хорошо, что Новак рассчитал свой путь в Прохоровскую бригаду с запасом. Не успел он сделать и десятка шагов, как повстречался с двумя мальчишками из Замосьяны, самыми своими приверженцами.

— Дядя Коль, а мы вас всюду ищем! — воскликнул старший мальчик. — Братника хочет нам чего-то сказать!

Новак вздрогнул: младший из братьев был глухонемым. С застенчивой улыбкой глухонемой протянул ему листок бумаги, испещренный крупными буквами.

«Я научился писать, дядя Коль, спасибо за то, что вы устроили меня в школу, — прочел Новак. — Ребята со мной играют. Я очень счастливый!».

Несклько умный стояло Новаку уговорить мать этого мальчика отдать его в школу в стениальную школу. «Боязно, — говорила так, — дикой он у меня». И, верно, сознавая свое несчастье, мальчик чурался сверстников, рос упрямым и пугливым. И вот теперь: «я очень счастливый».

— Умись, дружок, — тихо сказал Новак. — Ты будешь очень и очень счастливый.

Мальчик улыбнулся, как будто бы услышал.

— Он вас понимает, дядя Коль, — сказал его брат, — но губам понимает, их так обучают... А, правда, дядя Коль, нам разрешат карьеру лезть?

— Это кто же тебе сказал? — А дядя Петя, Федоров. Он говорит, в новом колхозе огромные пруды будут, а рыбом в них, прямо долой черной.

У стога сена сонная агитатор и бригада. Тут же и разложились для беседы. Кто присел на влажную молодую травку, проросшую между остями скошенной клеверы; кто остался стоять, приглядываясь к хрусткому нахучному бобу стога или опираясь на грабли и вилы. Бригадир Янда Белова, ее подружки Поля Калачева и Райя Сироткина, престарелая Голикова, колхозный парторг Амазов, покаяная, по горячку Пелагея Филипповна.

Новак знал их всех не только по имени и фамилии, — он знал их жизнь со всеми радостями и печальями, их сильные и слабые стороны. Знал он также, что и они рассуждают в отношении его подобным же занятием; ногаи социальными, порой безотчетно они помогали ему разбираться в его ошибках, они воспитывали его в такой же мере, в какой он, агитатор, способствовал росту их политического сознания...

Всёгда о мире имела своим началом войну. Новак вынул из планшета и расстелил на земле большую карту Кореи с голубыми названиями рек, красными кружочками городов и поселков, с черными стрелками, указывающими путь наступления Народной армии.

Склонившись над картой русло головы — косы коронкой — трех пералучных подруги, и темные выхры тринадцатилетнего Виктора, сверхитанного члена бригады, и выцветший зеленый верх армейской фуражки Алмазова, и серебристые волосы Голиковой и Пелагеи Филипповны. В эту свою дающую жизнь прожил эти старые женщины в Галатском районе, не выехав дальше Смоленска, а теперь для них важен и дорог стар город Чиньку, освобожденный Народной армией, и город Мэззи, еще ждущий освобождения, и другие, так трудно проносимые города далекой Кореи.

Ведь кому, как не им, пережившим лихолетье временной оккупации, по-родному понятно дело корейского народа, борющегося за свою независимость.

— Поди, и у них там уборка началась! — сказала Пелагея Филипповна, когда Новак закончил свой краткий обзор. И от этих простых слов еще роднее стал далекий мужественный народ.

— Там климат жарче нашего, — сказал Новак, — верно, уборочная к концу идет. Если б не американцы, сейчас бы весь корейский народ был свободным и счастливым. Народное правительство отдало все

землю крестьянам, знай, трудись, расти пшеницу, рис, чумизу, сою. Это не с руки американским колонизаторам. Корейское небо темно от «летающих крепостей». На мирных людей, да детей, женщин, на старых стариков швыряют американские варвары бомбы...

— Суда на них, пролов, нет! — не утерпела Пелагея Филипповна. — Опибаются, Пелагея Фили

Во имя жизни и мира

...Матрос умирает. Ослабея мускулы, спускается плечо. Левая рука упирается в землю, ей еще хватает силы, чтобы удержать тело от падения, а правая, та, что сжимает пистолет, уже не может подняться. Но взгляните на лицо матроса. Огняющую ненависть выражают потупившиеся, но еще живые глаза. И кажется, если поднимете его рука и пистолет выстрелит, этот выстрел закончит войну.

Матрос — только деталь пятифигурной композиции памятника генералу М. Г. Ефремову в Вязьме, созданного скульптором Е. Вучетичем. На постаменте — генерал Ефремов, окруженный горькой бойцов, обремененной от выгов. Смертельно раненный, он властно простирает руку валь. Только вперед — вот его последний приказ. Человек, умирающий во имя жизни, призывает смерть. Глубочайшая мысль Вучетича в этом замечательном произведении — скульптура. Памятник погибшему герою прославляет жизнь и подвиг — самопожертвование становится высшим проявлением могучей духовной силы человеческого бора за честь, свободу, независимость и мирную жизнь Родины.

Война! Великую силу, которую проявляет в бою наш народ, и все суровые испытания, которые выпали на его долю, знает Вучетич. Потрясающе лицо умирающего матроса — скульптор видел его своими глазами. Во время атаки под Боровком мина упала между двумя бойцами. Один из них — Вучетич — вскопал и пожелал вперед, а другой уже не смог встать, он лежал, Вучетич увидел, как боец, ухватившись за гранит, лез вверх, стараясь поднять обесшарившее тело. Его взгляд, полный жгучей ненависти, устремленный в сторону врага, запомнился на всю жизнь и запечатлен в бронзе.

Рядовой боец ополчения, скульптор Вучетич знал своих героев в действии, в живом движении, которые всегда будут основой пластических искусств. И оттого, что он видел войну своими глазами, он с особенной силой оценил живущую в нашем народе жажду мира, труда и созидания. Став военным скульптором, он сделал содержанием своих произведений не смерть и разрушение, а борьбу за счастье человечества, за мир во всем мире.

Мир! Это к нему указывала путь простертая вперед рука генерала Ефремова, ради него несли сражения с врагом матрос, который уже не может поднять руку с пистолетом для выстрела. Мир! Это его наступлению радуется генерал Ватулин, который, обняв голову, стоит на пьедестале в Вязьме и с улыбкой глядит вслед своим бойцам, вместе с ним освобождая Украину.

И вот, как только прозвучал последний выстрел войны, один из создателей ее пластической летописи, боец, командир, военный скульптор Вучетич получил задание соорудить монумент на могилах воинов Берлина, вставших при штурме Берлина. Какие же образы родили в сердце советского художника это высокое задание? Хотел ли он утвердить только победное торжество, только могучую силу нашего оружия? Или скорбь народа, трагизм утрат, понесенных в этой невиданной по размаху и ожесточенности битве, должны были наложиться своим печатом на грандиозное мемориальное сооружение?

Нет, пусть те, кто не верит в митраболы нашего чародея-победителя, отправятся в Берлин в Трептов-парк, чтобы увидеть своими глазами, какую надгробную речь внемлем языком пластического искусства произнес военный скульптор над могилами наших бойцов. Здесь советские художники,

Семен ГУДЗЕНКО

«К БОЛЬШОМУ ПОРОГУ»

Как-то в Туве довелось мне встретить рассвет на Каа-Хема. Полноводная и стремительная река разлилась вперед, туда, где вода потока образует Енисей, и откуда уже недалеко до Большого порога, за которым начинается Россия.

Над крышами домов, над черномышными массивами сталася волнистый утренний туман. За горным краем выходило солнце, подтягивая к себе бесцельную пену, обложая склоны хребта, поросшие лиственничным лесом, и каменные вершины. И вдруг на одной вершине, высоко над самым поселком, проступило в расцветной голубизне: выложенное из белого камня знакомое имя: Тока...

Мой спутник, тувинский поэт, рассказывал мне о том, как охотники и землеробы Каа-Хема, гордые своим знанием земляков, увенчали вершину его именем. Это было давно, еще до Великой Отечественной войны, когда Тува только мечтала о жизни в дружной семье советских народов, когда верный заветам Ленина, ученик Сталина, руководитель тувинских большевистских писателей Салчак Тока боролся за лучшую долю своего народа.

Здесь, у подножья горы, родился Тока. По одному из притоков Каа-Хема, по быстрей реке Мерген, кочевала его мать. О своем детстве, о первых университетах тувинского подростка рассказывал Салчак Тока в автобиографической повести «К большому порогу».

Есть в авторском предисловии место, дающее ключ к пониманию всей вещи: «Пущу это предисловие у окна самого высокого здания в Москве и вспоминаю безбрежный чум, описанием которого начинается повесть. Вчера я, сын заклейменной бабки беднячки Тас-Ваштыг, слушал оперу «Иван Сусанин» из ложь Большого театра, в которой когда-то сидел царь. Сейчас на окна дома я вижу кремлевскую башню с путевой звездой. Это ее рубиновым светом были озарены лица парти-

Салчак Тока. «К большому порогу». Перевод с тувинского А. Тымир. «Сибирские огни», № 2, 1959.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Центральное произведение августовского номера «Нового мира» — продолжение мастерски написанной повести Ф. Гладкова «Вольница». В журнале напечатаны также: отличное стихотворение Сергея Наровчатова «Тихий океан», текст кантаты композитора С. Прокофьева «На страже мира», принадлежащий С. Маршак, и переведенная Д. Самойловой «Песня о партизане Бенько» албанского поэта Фатмира Гята. Песня эта (вернее, маленькая поэма) рассказывает о мужестве свободолюбивого албанского народа, о подвиге партизан, боровшихся с оккупантами, о дружеской помощи Советского Союза в строительстве социалистической Албании.

Статья Ю. Миленушкина «Новое в науке о жизни» общедоступно и увлекательно раскрывает научно-философское значение работ Г. М. Бошьяна и О. Б. Лепешинской и показывает, что их открытия подготовлены предшествующим развитием материалистической биологии. В журнале помещены содержательная статья В. Николаева о Бальзаке и Мопассане, а также 22 рецензии.

Широта интересов — особенность критико-библиографического отдела журнала. В этом номере помещены рецензии на книги, посвященные Корее, демократической Германии, Венгрии, Франции, Южной Америке, Ватикану. Отрецензированы и литературоведческие работы о Н. А. Некрасове, труды по экономике и географии Украины, Урала, Алтая, удачные детские повести Н. Артюковой и неудачная повесть ростовского писателя А. Павлова. Однако нельзя оправдать отсутствие рецензий о новых значительных произведениях советской литературы.

Заслуживает одобрения и подражания хорошее нововведение журнала в каждой рецензии указывается фамилия рецензента книги, о коей идет речь. Хотелось бы, чтобы рецензенты не только упоминали фамилии, но и оценивали работу редактора. Г. Маргвеладзе делает это, но впадает в другую крайность: увлекшись рассмотрением деятельности редактора, составляет и переводит антологию «Поэзия Грузии», но не охарактеризовал в должной мере художественное своеобразие грузинских поэтов.

Выделяются в номере вдумчивая рецензия члена-корреспондента Академии наук СССР А. Капустинского на труд профессора П. Лукьянова, посвященный истории химической промышленности России, и рецензия Т. Мотылевой на новый перевод «Фауста» Гете, принадлежащий Б. Пастернаку. Т. Мотылева убедительно показала, как особенно и в слабости убогого дарования Б. Пастернака — тяга к иррациональному началу, безразличие к началу жизнеутверждающему — привели к искажению социально-философского смысла «Фауста».

Восьмая книга «Нового мира» вышла первого августа. Сегодня, неделю спустя, весь стотысячный тираж журнала разошелся подписчикам. Образовавшаяся точность выходя — верный признак слаженности работы редакции, сознания ею своей ответственности перед читателем.

А. ЛАЦИС

Новые произведения писателей Узбекистана

ТАШКЕНТ. Государственное издательство Узбекской ССР выпустило отдельную книгу поэму «Фуркат». Писатель Сайфил (А. Атаджанов) повзвиста свое произведение известному узбекскому поэту-демократу Фуркату, жившему в прошлом веке.

Литературный журнал «Звезда Востока» начал печатать большую повесть Аскада Мухтара «Там, где сдвигаются реки» — об узбекских металлургах.

Сейчас готовится к печати ряд новых произведений узбекских писателей. Народный поэт Ислам Шаир Назаров сложил поэму о товарище Сталине. Писатель Ш. Рашидов закончил повесть «Горячие ключи», в которой говорится об освоении новых земель. Об электрификации холмов рассказывает повесть Мирмухсина «Неугасимые огни». Лауреат Сталинской премии Гафур Гулям готовит к изданию цикл стихотворений, посвященных Китайской народной республике.

Тока, — чтобы задумываться над тем, почему под этим чистым счастливым небом так горька и беспросветна наша жизнь, так беден и убог наш берестяной чум».

Переводчика в русском языке на Терзиг помогла герою повести найти ответ на этот вопрос. Здесь, в тайге, Салчак увидел, что в русской деревне, как и в тувинском кочевье, кулаки забирают у бедняков возделанную землю, издеваются над ними, а с бедными тувинцами обращаются хуже, чем со скотом. А тувинские князья и бэй заодно с кулаками. Только русская беднота поддерживала семью вдовы Тас-Ваштыг — матери Салчака.

Первый хлеб Тока получил из рук русского мальчика. Первый раз вошел в баню здесь, в русской деревне. Первый раз тувинский мальчик почувствовал себя человеком, а не лесным зверем. Как родные, отнеслись к нему добрые, трудолюбивые люди Лубошинок. И за это на всю жизнь он остался благодарен друзьям своим мальчишеских игр, первым наставникам и учителям — крестьянам с Терзига.

Из дома в дом переходил маленький Салчак и, наконец, попал к кулаку Михайлову, жадному и злому человеку. Здесь, в землянке, где спали работники, Тока услышал от сибиряка Петра Сиорова то, что и придет время — народ прогонит теребищих господ... Степана Михайлова да нашего князя Иадмурюна, которые пытаются и мучают таких людей, как мы».

Это было началом той дороги, по которой пошел тувинский юноша, мечтая быть таким же мужественным и справедливым, как люди, о которых рассказывал Петр Сиоров.

И вот уже не во сне, а наяву встретился Тока с красными бойцами знаменитого партизанского командира Шеткинни. Мальчик, которому было невдомек, что кроме жителей Тувы, на земле существуют другие люди, узнал о том, что в большом городе Москве «богачи нали; под небом возмущился красный богатырь; он собрал людских сынов с четырех краев света и пошел бедный народ защищать». Об этом узнали все араты — вдова Тас-Ваштыг и батрак Чолдак-ол. Охотники и скотоводы. И они пошли за партизанами.

Вера ПАНОВА

Несколько мыслей о технологиях нашего ремесла

Вопросы технологии письма особенно остро стоят перед писателями современной темы. Наш материал таков, что не падешье его на готовый каркас, замшеванный у Толстого или Шедрина: ведь невозможно о Пане Ангелшней, к примеру, написать точно так, как написано об Анне Карениной... Убега у классиков подражает не примитивное подражание, а углубленную самостоятельную разработку алмазных копей, открытий великими русскими писателями.

Очень трудно писать. За нами — гигантская литература, равной которой не было. Гиганты смотрят на нас со своих вершин... Есть непревзойденные образы, созданные великими, но нет реинтов. Знаешь: надо учиться у русских классиков. И знаешь: надо, подобно Борхену, искать новые резы для нового материала.

Писешь наощупь, мучительно отыскивая технологию, не принимая на веру даже самый удачный опыт товарищей. «Точь в точь, как у Бабаевского», «точь в точь, как у Ахзава», — это не критерий. Сам ищешь свой реза, сам его тощишь.

Каждый совет обдумывается подолгу, то принимаешь, то вновь отворачиваешь, ныне не приемлешь совсем. Не понимаю, например, как можно писать роман или повесть на современном материале, обходясь малым количеством действующих лиц. Жизнь наша устроена так, что человек в своей деятельности тесно сопрягается со многими людьми, непосредственно на него влияющими, и удаляя эти влияния, неизбежно удаляешь из книги коллективный, общественный дух нашей жизни.

Если герой целыми днями лежит на диване и предаётся ленивым размышлениям, то мир его, естественно, тесен: крепостной дядька, приятель, любимая девушка — вот, собственно, почти все. Но если герой существует в таком широком мире, как наш, если интерес его так многогранен и деятельность так разнообразна, как интересы и деятельность советского человека, — попробуйте обойтись в романе малым количеством действующих лиц и при этом показать богатство и многогранность нашей жизни. Думаю, что это невозможно.

И не хочу сказать, разумеется, что для подноты изображая жизнь нужно без всякого смысла и толка насыпать роман как можно большим количеством действующих лиц. Каждое действующее лицо должно быть необходимым в романе, и каждое должно быть так написано, чтобы в сознании читателя запечатлелась живая образ. Полагаю, что первая задача писателя — научиться создавать живые человеческие образы, ибо в наших произведениях неизбежно получается много героев, как много их в нашей действительности, и нужно, чтобы эти герои были напечатаны такими же индивидуальными и содержательными, каковы они в действительности.

Одна из самых слабых сторон моей повести «Ясный берег» — то, что многие люди в ней написаны невыразительно. Все эти люди были мне нужны для выявления главной мысли повести, но слабая техника письма сделала их бледные и малокровные, чем они есть в действительности, и потому эти люди выглядят незаконными жильцами на Ясном берегу.

Я не уверена, что герои наших произведений должны говорить чистейшим литературным языком, как то требуют некоторые рецензенты, редакторы и читатели. Если широко бытует в народе ка-

кое-то новое слово — не обидим ли мы героя, отнимая у него это слово и давая взамен общелитературное, прав иль и о е слово? Мне кажется — обидим. И не только героя, но и эпоху, и родной наш язык.

Я имею в виду не жаргон, не «блатные» словечки, не отмирающие архаизмы, а то новое, что органически вносится временем в общенародный язык. (В частности, слова, перешедшие в русский язык из языков других народов Советского Союза в результате нашего братского сотрудничества).

Товарищ Сталин в гениальной статье «Относительно марксизма в языкознании» пишет: «Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение... И, конечно же, литература должна стремиться зафиксировать новые слова и выражения, а также изменить смысл «ряда слов и выражений», получивших новое смысловое значение». Нурия редакторы, требующих от литературных героев идеальной-правильной, чуждая литературу узкокошачьей речи, красивым карандашом подчёркивающих в рукописи каждое слово героя, не стараясь понять традиционную-литературную а л а к о н о й речи, — не проницает ли этот нурия развитие русского языка, подлинно его новыми словами, органически рождающимися в нашем обществе?

Некоторые критики очень не любят, когда у положительного героя имеется хотя бы самые незначительные отрицательные черты. Эти критики требуют, чтобы положительный герой был человеком абсолютной гармоничности, без сучка, без задоринки. Волею парикашей со стороны таких критиков, многие редакторы идут еще дальше: они хотят, чтобы вообще у героев не было никаких недостатков, чтобы все как есть герои были стопроцентно положительные и стопроцентно гармоничные. Красный карандаш бдитственно отмечает каждый промах героя, каждый несправильный его шаг, даже каждую винтовую термометр рожку водки...

Я уважаю красивый карандаш, но не верю, что мысленно написанное произведение, где все герои положительные. Не верю и не понимаю, зачем нужно такое произведение, чем оно помогает выполнению общенародных задач.

Если решительно все герои являются носителями высочайших душевных качеств, то — при единстве миропонимания и общности жизненной цели — между ними невозможны сколько-нибудь серьезные столкновения. Вместо рабочего коллектива, в поте лица, в трудах, в пределиении преиспитый строящего коммунизма, — получается некий ангельский хор, состоящий из одних сладчайших теноров.

Если все мы уж так хороши, что дальнее некуда, — для чего борьба с пережитками капитализма в сознании людей, где движение вперед, где рет советского человека?

В жизни нет ангельского хора, и это очень хорошо. В жизни один люди совершают ошибки, другие их поправляют, — поправляют порой не очень-то ласково, наше время горячее, страдное. Силою и рядом случается, что человек, только что исправивший ошибку своего товарища, сам попадает в ошибку, и его поправляют другие, — может быть, поправляет тот самый человек, которого он когда-то поправил... В жизни, в общем горячем труде, — столкновение воле и характеров, борьба, преодоление трудностей, и это очень хорошо, потому что если нет борьбы и преодоления трудностей, то нет движения вперед. В жизни люди, связанные единством миропонимания и цели, все же ноят разными голосами, имеют разные вкусы, наклонности, черты характера. «Безяне! Вы любовь, на скрипки дожите. Любовь на литары дожит грубой», — писал Маяковский. (Безяне: переделание любви на литары тоже подразумевает натуру музыкальную...). Один существуют тем, что «дожит» (хорошее слово!) любовь на скрипки, другие — тому, кто на литары... Точки зрения на то, какие свойства в том или ином человеке положительные, а какие отрицательные, — эти точки зрения не всегда одинаковы даже у людей с одинаковым миропониманием.

Критики резко осудили Листопада, директора Кружачихи, за то, что он не ходил с женой в театр. Это в годы Отечественной войны, когда от директора оборонного завода требовалось напряжение всех сил и способностей? Жене хотелось пойти с мужем в театр, поидеть с ним вечером, она страдала, что муж пропадает на заводе. Если бы он сам страдал от необходимости так много бывать на заводе, ей было бы легче, но он не страдал, он шел на завод с радостью, там была самая главная его жизнь, и жене это было невыносимо тяжело. Критики были на стороне жены, они обвинили Листопада в нечувствительности, в том, что он любит жену не так, как обязан любить передовой человек социалистического общества, в том, что он не умел создать в своей жизни гармонию между личным и общественным, в том, наконец, что он не попытался своей культурный уровень посещениями театра...

Я на стороне Листопада. Его ошибка в том, что он женился на женщине недалекой и душевно пасивной, но, опившись, он после этого не дал этой женщине повиснуть гирей у него на ногах...

Мне думается, что и при коммунизме не будет произведений с одними положи-

тельными героями: новая эра, повысив моральные качества каждого члена общества, повысит и требовательность общества к этим качествам. Люди обявят новую борьбу с пережитками в сознании на новых, высочайших моральных основаниях, — и нет предела этому святому подвигу и стремлению к усовершенствованию, как нет предела общественному развитию.

Вот лежит гряда материала: наблюдения, впечатления, воспоминания о людях, мысли твои и твоих современников. Это — только сырой материал, руда, которую надо плавить и оттаивать, чтобы получилось нечто, что ты намерен сделать.

Уже как будто совсем ясно поставленная задача: как будто совсем отчетливо представляешь себе людей, которые будут жить в твоей книге, их характеры, их поступки, события, происходящие с ними; и тогда встает новая задача — сюжет: расстановка событий, проявление характеров в этих событиях.

Очень важная вещь — сюжет. И тут, на мой взгляд, много у нас недоговоренности, неясности.

Что подмечать под сюжетом? Какой принцип построения сюжета соответствует советской литературе, служащей делу создания коммунизма, относящейся к своей миссии с глубокой серьезностью?

Во многих наших литературных кружках и консультациях до сих пор излагают сюжет как нечто обособленное от материала, дескать, чтобы произведение читалось с интересом, в нем должен быть правильно построенный сюжетный костяк — завязка, развитие, кульминация (когда, по представлению оракулов «сюжетного костяка», у читателя от заинтересованности глаза лезут на лоб), развязка. Хорошо, дескать, если читатель заинтригован, если он ничем не может догадаться, чем же это все кончится.

И некоторые авторы — и не только молодые из литературных кружков — попадают в лапы «костяка» и строят фальшивое знание из придуманных событий, желая удержать читателя искусственным путем.

Так, в «Открытой книге» В. Каверина читателя трогает все, что написано там о подлинной женской судьбе, о подлинных человеческих отношениях, и оставляет подозрительно-настороженным плавные «сюжетные ходы» с гадалками, тайнами и прочей штучковинной, нередко как пришедшей со страниц забытых размещенских романов Маршлтт.

Мне кажется, что тут какое-то недо-разумение. Разговоры о «костяке», об «остроте» и т. п. идут из мутных истоков гнилой и безидеальной американско-английской обывательской литературы, вроде Пристаи, Рискина и прочих в этом роде, с которыми нам не ужиться ни в чем и нигде.

Русской литературе никогда не было свойственно преклонение перед сюжетом во имя сюжета. Никогда русская литература не подчиняла сюжету свой материал, но всегда подчиняла его идее.

Горький пишет: «Плана никогда не делаю, план создается сам собою в процессе работы, его выработывают сами герои. Нахожу, что действующие лица невольно подсказывают, как они должны вести себя... Автор берет их за действительности, как свой материал, но как «полуфабрикат». Далее он «разрабатывает» их, шпигует сплюю своего личного опыта, своего знания, договаривая за них неказанные ими слова, довершая поступки, которых они не совершили, но должны были совершить по силе своих «природных» и «благоприобретенных» качеств. Здесь место «выдумки» — художественное творчество. Оно будет более или менее совершенно тогда, когда автор договорит и доделает своих героев в строгом соответствии с их основными свойствами».

В лучших произведениях русских классиков сюжет создан так, что вы его не ощущаете; вы видите естественное течение жизни, в этой жизни естественно существуют люди с естественными для их времени и положения характерами, естественные участвующие в событиях, выпавших на их долю.

Так создавалась типичность характеров и событий в творениях русской классической литературы, откуда сила ее воздействия на людские души. Человек читает и верит, что все — правда. Форма служит материалу, идея: форма становится частью материала.

Так создан сюжет в «Мертвых душах» (первый том) в «Войне и мире», в «Отцах и детях», в «Накликуе»: так писал Шедрин, Гончаров, Чехов, Горький.

Так создан сюжет в миниатюрном произведении Лестова «Леди Макбет Мценского уезда», — произведение, которое поисте скрывает подзаголовок «Черк», а стоит, на мой личный взгляд, по глубине и художественной точности всех новелл Мериме, вятых вместе.

Этой тайне впадения формы в материал, как притока в главную реку, учитеесь и учителя лучшие писатели Запада. Так писал, следуя великим русским мастерам, Драйзер и Роллан.

Я убеждена, что этому мы должны учиться, а не американские забубенно-бульварные «сюжетные костяки» с «скрипками», «интригами» и «неожиданными концями».

Грошом ухитрившая чужой и враждебной «культуры» мы обязаны и здесь противопоставить сокровища мудрости и глубокого знания человеческой души, палоченные величайшей в мире русской литературе.

Обзор военных действий в Корее

Там, где река Нактонган в своем верхнем течении круто поворачивает на юг, устремляясь к Пусану, происходит сейчас ожесточенное сражение между частями Народной армии и войсками интервентов. Американское командование (уже в который раз) назвало реку Нактонган своим последним оборонительным рубежом. Однако еще на прошлой неделе американские и лисьянские войска были отброшены в этом секторе фронта на левый берег, а 5 августа Народная армия форсировала реку в нескольких местах и прорвала новую линию обороны американцев.

По сообщению агентства Рейтер, река Нактонган преодолена частями Народной армии не только в верхней излучине, но и в районе ее среднего течения, недалеко от города Тагу — последнего крупного опорного пункта интервентов на пути к Пусану.

В Тагу до последнего времени находилась ставка американских и лисьянских войск, а также очередная временная «столица» Ли Сын Мана. Как сообщает корреспондент агентства Рейтер Хадсон, бой идет в 10—12 км от города.

Цепляясь за естественные горные препятствия, войска интервентов пытаются удержать свои позиции. Все-таки они даже предприняли контратаку, бросая в бой большое количество техники. Но сообщения с корейского фронта показывают, что положение складывается не в пользу агрессора. На левом берегу реки Нактонган уже возникли новые «котлы».

В районе восточнее Чинчжу морская пехота и части 25-й американской дивизии 6 августа предприняли контратаку. По данным лондонского радио, это контратакование захлебнулось в первый же день. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Лоуренс, находящийся на фронте, сообщает, что контратакование, впервые предпринятое американцами в Корее, было сорвано в результате сильного удара частей Народной армии, нанесенного по правому флангу американцев.

Наступающие части Народной армии в упорных боях продолжают сокращать оборону американцев, нанося им чувствительные потери и освобождая все новые населенные пункты. В течение 5 августа они изгнали интервентов из Гун-и — важного узла американской обороны на подступах к Тагу, а также заняли города Чхонсон, расположенный в горном районе близ восточного побережья, и Бисон — важный пункт обороны противника и крупный транспортный узел. Части Народной армии, наступающие в районе Анбон нанесли интервентам мощные удары. Убито и ранено около шести тысяч солдат и офицеров противника.

Американское командование старается преуменьшить данные о людских потерях на корейском фронте. Небезызвестный американский журналист Дрю Пирсон недавно разоблачил эти махинации штаба Макартура. В то время как в одном из сообщений штаба указывалось, что американцы потеряли убитыми 96, ушедшими от ран 15, ранеными 587 и пропавшими без вести 815 человек, — в действительности, указывает Пирсон, было убито 660, ранено 2.975 и пропало без вести 8 тыс. человек.

О моральном состоянии интервентов в Корее красноречиво говорит следующий факт: многие солдаты американского 24-го полка 8-й армии, как сообщает корреспондент агентства Телеспесс 5 августа, самовольно оставляли занимаемые позиции и беспорядочно отступали.

Зверства янки в Корее

Публикуемая нами корреспонденция написана для «Литературной газеты» специальным корреспондентом «Юманите» в Корее Мариусом Маньян.

Корейский народ, хорошо знакомый с террором маршетоцкого режима Ли Сын Мана, ныне испытывает на себе значительно более ужасный террор американо-фашистских интервентов. Территория Кореи подвергается систематическим воздушным бомбардировкам. Иехвон, как и другие города и села страны, превращены в объект непрекращающихся налетов. Зверства американских интервентов носят все более разгульный и преступный характер. Все, что мы видели на юге, воплотило в постыдную лжи Вашингтона, лицемерно призывавшего к «защите» Южной Кореи, разоблачает виновников агрессии, предпринятой против всей страны, против всего корейского народа.

Американские летчики и американские стрелки под командованием офицеров, посланных Трумэном и Макартуром, поджигают, убивают, уничтожают мирных жителей, их кров и имущество с бешеным преступником, жаждающим убийства, со звериным бесстыдством, точно так же, как это делали солдаты, которых Гитлер бросил на Европу в 1939 году.

Множество городов и сел Кореи полностью или почти полностью уничтожены воздушными налетами, сожжены во время отступления американскими войсками. Тысячи детей, женщин, мужчин, молодых и старых, подверглись там намеренному, хладнокровному истреблению, испепелены огнем пожаров, зарезаны пулеметными очередями, расстреляны.

Печальные руины населенных пунктов, залитые кровью мертвых детей, еще недавно развивавшихся в садах; чудовищные груды пепла и обугленные скелеты зданий, из которых так и сам торчат ожоги от столов, остонов радиоприемников, чужинная посуда, глиняные кувшины; горький запах пожаров — все это красноречиво говорит о том, как ведут себя эти заокеанские эсэсовцы, спущенные с цепи по приказу Уолл-стрит.

Истребляя мирное население, расстреливая из пулеметов женщин, работающих на полях, ведя огонь с кораблей по старикам и детям, американские интервенты жестоко и трусливо мстят героическим воинам Народной армии, успешно идущим вперед!

В Тэчжоне семь тысяч патриотов были казнены американо-лисийнскими палачами в течение пяти дней группами по 50—100 человек. Их выволакивали в поле и расстреливали. На одном из участков американской обороны у Тэчжона интервенты выставили «казеню» из женщин, стариков и детей, пытаясь таким путем «скрыться» от огня Народной армии.

В Сувоне убито американцами 800 человек, в Вондзю—700, в Инчоне—1000. В селе Махам американский офицер застрелил из револьвера трехлетнюю девочку, которая плакала и тихоно искала своих родителей, убитых вместе с другими жителями деревни на юг. Это было 16 июля 1950 года, — и эту дату нельзя забыть!

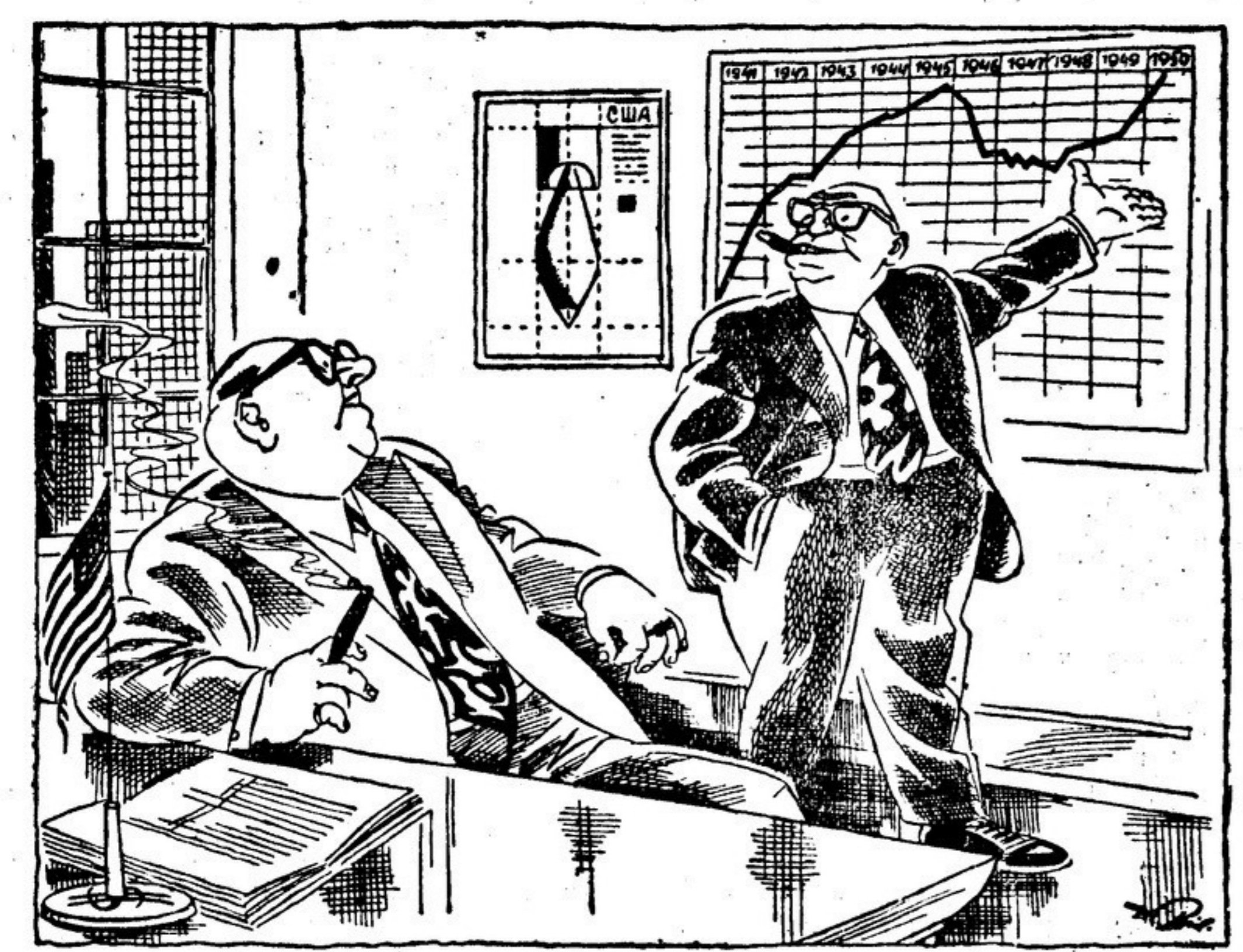
Я видел восьмилетнего мальчика с седой, как дуб, головой. Этот ребенок пролежал пять часов в одном из погребов Вонсана во время массового налета американских воздушных бандитов!

Базенные в Тэчжоне патриоты шли на смерть с гордым возгласом: «Да здравствует Корейская народно-демократическая республика!» Эти герои, стоя под дулами винтовок, направленных на них палачами Трумэна—Макартура, выражали чувства всех верных сынов корейского народа, готовых отдать свои жизни в борьбе за национальное освобождение родины, за мир и демократию.

Пусть об этом знают во всех концах земного шара! Пусть повсюду растет могучая волна гневного народного протеста против преступной войны американского фашизма в Корее!

Мариус МАНЬЯН, корреспондент «Юманите»

ПХЕНЬЯН. (По телеграфу)

— Американские солдаты падают на полях сражения в Корее! Но, зато в Америке поднимаются акции военных заводов! Рисунок художника Бидструпа из датской газеты «Ланд оф Фолк».

Я ВЫБРАЛ МИР

II

Когда я в первый год после окончания войны работал в качестве корреспондента агентства Рейтер в Вене, мне казалось, что моя деятельность способствует делу мира и прогресса. В тот период линия фронта американской «холодной войны» была очерчена еще не столь резко, как в настоящее время, и некоторые газеты в странах Западной Европы еще имели вполне возможность писать правду и были готовы это делать.

Теперь, когда я открыто примкнул к лагерю мира, мне стало ясно, что эти мысли о моей полезной деятельности представляли собой в значительной мере самообман.

Агентство Рейтер обеспечивает информацией около пяти тысяч газет во всех частях света. Если в какой-либо из моих корреспонденций высказывались прогрессивные взгляды, то на видном месте ее помещали лишь десять, двадцать или тридцать газет, тогда как остальные стремились упрятать ее куда-нибудь подальше или же вообще не помещали ее.

Если же я, как «добросовестный» и «объективный» корреспондент, сообщал очередную реакционную галиматью, содержащуюся в официальном британском коммюнике или американской части венской прессы, то такое сообщение подхватывалось сотнями и даже тысячами газет, помещавшими его на первой странице.

В атмосфере коррупции, чванства и пьяного разгула, царившей в западных секторах Вены в 1945—1946 гг., у многих из моих коллег начали исчезать последние остатки совести, если у них таковая вообще имелась. Многие из них были слишком поглощены своими выпивками и развлечениями, чтобы заниматься каким-либо делом, помимо передачи чрезвычайно тенденциозных сообщений американского Отдела информации. Один из моих коллег, сознание которого сильно помутилось под влиянием поглощенного алкоголя, преподнес однажды своей газете сообщение, которое могло бы войти в историю журналистики как рекордно «неточная» информация всех времен.

В своей корреспонденции о международном футбольном матче, происшедшем в Вене, он перепутал, во-первых, названия команд и стран, которые они представляли; во-вторых, он дал неверные сведения об окончательных результатах матча; в-третьих, он сообщил о матче рабги, хотя шел футбольный матч; и, наконец, в-четвертых, он сообщил, что матч происходил в Будапеште.

Можно себе легко представить, как этот корреспондент подвергал анализу сложную политическую и экономическую обстановку в Австрии и соседних странах, если он был способен дать такой фантастический ошибочный отчет об обыкновенном футбольном матче.

В декабре 1946 года агентство Рейтер направило меня в Варшаву; она в то время только начинала восстанавливаться после страшных разрушений, причиненных немецко-фашистской армией. Здесь англо-американские дипломаты и журналисты вели, еще более разгульный образ жизни, чем в Вене. Британские корреспонденты, прибывшие в большом количестве, чтобы присутствовать при происходивших в то время выборах, обратились в английский посольство за конфиденциальными сведениями о положении в стране. Их без промедления отсылали к Миколайчику. «Это — наш человек», — говорили сотрудники английского посольства и добавляли: «Он может дать вам все необходимые сведения».

На одной из пресс-конференций, созванных Миколайчиком, американский фотокорреспондент блестяще продемонстрировал, какой уровень общей культуры достаточен для работницы прессы в США. Облазив всю комнату и несколько раз заглядывая на стулья, чтобы найти хорошую «точку зрения», он внезапно провозгласил громким шепотом: «Скажите, кто из этих типов Пилсудский?»

См. «Литературную газету» № 45

К. ЗЕЛИНСКИЙ „Бремя белых“ и американский разбой

Несколько десятилетий назад англо-американские империалисты могли еще обходиться без маскировки своей политики колониальных захватов. Поэт расистов англичанин Редьярд Киплинг открыто звал — «Несите бремя белых!», что означало: посылайте войска к лучшим своим сыновьям за тридцать земель, в колонии не для того, чтобы скрывать свои мысли, прямо заявил: «Вторая мировая война была преимущественно войной за решение вопроса о том, кто будет контролировать развитие Азии, так как величайшие неразвитые территории в мире находятся в Азии — человеческая сила, ресурсы и рынки».

И хотя, как выражается тот же Дзадд, «орудийная война закончилась», но еще предстоит «решить вопрос, кто в действительности выиграл в орудийной войне». А решать этот вопрос империалисты намерены как с помощью все тех же орудийных залпов, так и с помощью противопоставления свободолюбивым народам самых изощренных методов колониального разбоя, провокационно именуемых «мирными» методами.

Для США путь завоевания Азии оказался тернистым. Американцам пришлось убраться из Китая. Бьют их и в Корее. «Бремя белого» Трумэна поневеле сильно облегчилось. Трумэн и Ачесон нервничают. Нервничают и реакционные газеты. Нервничают достигла почти «форрестоловского» накала.

Империалисты все отчетливее чувствуют, что киплинговский метод грубого нахрапа и кованого сапога, метод ругательства «бремени белых» давно уже оказался битой картой колониальной истории, методом, то и дело дающим катастрофические осечки.

Наутпанные ходом событий, они позорятся с демонстративной откровенностью объявлять об этом во всеулышание, спешно пытаются таким способом снять с себя расположение «цветных». «Нью-Йорк таймс», например, помещает статью некоего «знатока Азии» мистера Кука. Автор прокламирует: «Тотальные военные дей-

Вооруженные реакционные банды польских террористов поддерживали тесный контакт с английским и американским посольствами в Варшаве, а через их посредство — с корреспондентами. Однажды утром ко мне в отель явился какой-то подозрительный субъект. Он заявил, что узнал мой адрес от «одного из наших английских друзей», и выразил готовность предоставить в мое распоряжение достоверные сведения о деятельности «Украинской повстанческой армии», которую он, по его словам, и представлял.

Этот субъект был чрезвычайно удивлен тем, что я его вышвырнул из комнаты.

— Тут какое-то недоразумение, — пролепетал он. — Мне сказали, что вы работаете в агентстве Рейтер, официальном британском информационном агентстве. Англичане врут борьбу против красных и против русских. Значит, вас должно интересовать...

Сотрудничество убийц и террористов, которых их западные друзья называли «патриотами», с посольствами западных стран в Польше в то время было настолько тесным, что английский посол мистер Кэвэндиш-Бентинг лично принимал в нем большое участие. В конце концов господину послу пришлось покинуть Польшу, после того как один из его осведомителей предстал перед польским судом по обвинению в шпионаже.

III

Журналисты, обслуживающие английские и американские газеты, не всегда получают конкретные указания о том, что именно от них требуется. Тем не менее всем журналистам совершенно ясно, от кого они получают деньги. Газеты принадлежат крупным трестам или всемогущим магнатам прессы, и нетрудно догадаться, какая именно информация приходится им по вкусу.

В 1947 году, через два года после окончания войны, англо-американские корреспонденты начали уделять основное внимание той информации, которая представляла Советский Союз и страны народной демократии в неблагоприятном свете. Таким образом они поддерживали американских империалистов, разрабатывавших планы третьей мировой войны.

Дело шло о том, что агентство Рейтер дало мне ясно понять: посылаемая мною информация не соответствует предъявляемым требованиям.

Находясь в Варшаве, я старался в своих корреспонденциях правдиво описать самоотверженный труд польского народа, восстанавливающего свою страну, и рассказывать о том, как реакция при поддержке английского и американского посольств пытается саботировать мирное строительство. Когда я вернулся в Лондон, меня вызвал к себе Уолтон Дж. Коул, главный редактор.

Он не стал требовать, чтобы я изменил свою позицию. Вместо этого он игриво потрещал меня по плечу и сказал: «Послушайте, друг мой! Ваша работа мне нравится. Не сомневайтесь, что вам обеспечена у нас блестящая карьера, если только вы будете находиться на нашей стороне. Мы, конечно, знаем, что вы придерживаетесь либеральных взглядов, и мы отнюдь не собираемся вмешиваться в вашу личную жизнь. Но, если вы действительно хотите добиться успеха, вам придется зайти себя в руки. Мы намерены послать вас в Германию, и если вы будете хорошо работать, мы сможем вскоре назначить вас на должность руководителя крупного бюро и значительно повысить ваш оклад...»

Вспомыная теперь об этой беседе, я прекрасно понимаю, что именно имел в виду мистер Коул; однако тогда я все еще думал, что, как добросовестный корреспондент, я смогу принести какую-то пользу...

Итак, я направились в Германию, где я провел более двух с половиной лет, вплоть до того дня, когда я заявил на пресс-конференции в демократическом секторе Берлина, что не хочу больше служить поджигателям войны.

9 марта 1948 года, то-есть, примерно, через полгода после моей беседы с главным редактором агентства Рейтер, я получил от него письмо, копию которого я храню до сих пор. Это письмо является ярким образчиком распространенного метода подкупа, посулов и скрытых угроз, каким пользуются для того, чтобы принудить корреспондента писать только то, что угодно поджигателям войны.

Вот что говорилось в этом письме: «Дорогой мистер Пит, с чувством глубокого удовлетворения я сообщаю вам перед своим отъездом в Америку, что дирекция санкционировала повышение вашего оклада, а также суммы ваших служебных расходов».

Я считаю необходимым обратить ваше внимание на то, что это решение свидетельствует о больших надеждах, какие мы возлагаем на ваши способности, рассчитывая, что в пределах вашей организации вы сможете подняться на высшую ступень служебной лестницы.

Если же, однако, ваша карьера примет иной оборот, то вам придется нести только на само себя. Помните мне за то, что я снова затрагиваю этот вопрос, но, исходя из соображений, которые я изложил вам во время нашей беседы, я приду чрезвычайно большое значение тому, чтобы вы с блеском выполнили возложенную на вас задачу в Берлине. Нам нужен репортаж о Германии, содержащий максимальное количество творчески обработанного материала».

Угрозы и попытки подкупить меня едва ли могли быть более явными.

До того, как я получил это письмо, я провел несколько месяцев в Рурской области. Положение корреспондентов там было примерно таким же, как в Вене и в Варшаве. Они жили в отеле, в небольшом промышленном городке Олинге, находящемся вдали от всех важных центров. Почти все они вели праздный образ жизни, пьanstвовали, играли на билларде и ждали официальных английских сообщений, из которых они черпали сведения о том, что происходит в рурских городах, где в ту зиму царил голод и хаос.

Некоторые из корреспондентов — по натуре своей неплохие люди — не могли оставаться равнодушными к зрелищу окружающей их нищеты и в отдельных случаях старались даже помочь людям из своих личных средств. Но когда в Эссене и Дуссбурге вспыхнули голодные забастовки, они вспомнили своих хозяев и стали передавать по телеграфу все ту же старую историю: «Красные агитаторы ведут подрывную работу в Рурской области...»

История со скандальной фальшивкой — «протоколом М», который якобы представлял собой «тайный коммунистический план организации вооруженных повстанческих групп в Рурской области», ярко характеризует те методы, какими пользуется западная пресса. Публикуя то, что они считают нужным, и умалчивая об остальном, реакционные газеты представляют события в совершенно извращенном виде.

Как только я узнал о «протоколе М», повзвешенная на совет в одной из газет, издающихся в Западном Берлине, я тотчас же направил в Лондон корреспонденцию; в ней я указал, что этот «документ» представляет собой явную и грубую фальшивку, и сравнил его с лебедьесовской клеветой о «коммунистических заговорах».

Все крупные лондонские газеты поместили сообщение о «красном заговоре» под огромными заголовками. И все они итаторировали мое сообщение о том, что «протокол М» представляет собой фальшивку. Офицеры из английского информационного бюро обвинили меня в том, что я их дискредитирую.

А через несколько недель английский министр иностранных дел Эрнест Бевинг вынужден был заявить: «В результате тщательного расследования установлено, что «протокол М» является фальшивкой». Однако почти все газеты, раздувшие сообщение о «красном заговоре», забыли поместить это заявление...

Наступил день, когда я заявил на пресс-конференции в демократическом секторе Берлина, что не хочу больше служить поджигателям войны.

На страницах «Нью-Йорк геральд трибун» в том же духе высказался председатель буржуазной индийской лиги в Америке Синг. Этот деятель подчеркивает, что поведение западных держав и принимаемые ими решения носят «оттенок старого колониального режима» и демонстрируют полное невиние «к чувству национальной гордости азиатских стран». Разумеется, ни мистер Кук, ни мистер Синг отнюдь не намерены всерьез возражать против колониального разбоя. Наоборот: они хотят лишь с полной искренностью и даже со слезой в голосе предупредить об опасностях, подстерегающих хозяев на «кяплинговском пути», и укрепить их в мнении о необходимости действовать иными методами. И здесь мистер Кук, как и всевозможные «кувынды дети», наперевод дают свои советы и даже предлагают свои услуги. Мистер Кук одобряет, например, использование флага ООН для доказательства того, что война в Корее никак «не является войной белого человека». Поскольку все же одного флага маловато, он предлагает еще и создать «специальный комитет в составе азиатских лидеров, представляющих правительства, которые одобрили применение военных санкций». Иначе говоря, сколотить мобильный отряд «цветных квислингов», всегда готовых спустить курок и тем самым разделить со своими хозяевами «бремя белых» или даже взять на себя вильную его долю.

Эта точка зрения была не только услышана, но и одобрена. Двенадцатого июля сенатор Фергюсон внес предложение назначить филиппинского министра иностран-

ных дел генерала Ромуло... заместителем Макартура по ведению войны в Корее. Ромуло — не «белый», он так сказать, подбавит желтой краски (предательства. — И. З.) в голубой флаг ООН!

Предложение сенатора Фергюсона, как и другие выступления такого рода, свидетельствует о том, что подкасанная азиатскими квислингами «идея» проведения политики колонизации руками «цветных» весьма поспешно одобряется на Уолл-стрите.

О причинах такой поспешности, может быть невольно для себя, рассказал один из французских журналистов Дубле. Живопису картину отступления американских интервентов в Корее, он пришел к выводу, что с Азией шутки плохи. «Это — Азия», — устремляюще восклицает он, полагая, что этим сказано все.

Да, это Азия! Полмиллиарда человек, вышвырнувших американцев и их маршетоков из Китая, сотни миллионов других людей, являющихся союзниками и ждлыми людьми в Корее, и черных в Америке, и белых в Советском Союзе, иначе говоря — трудящихся во всем мире. Эти люди с оружием в руках отстаивают независимость, отстаивают мир! Всем своим поведением они доказывают, что колониальные империалисты, построенные на человеческих костях, рушатся, рассыпаются в прах!

И они готовы с презрением и гневом раз навсегда кончить со всеми самонадеянными «идеями» облепченными «бременем белых». Нет, этой соломинке не стать канатом, за который мечтают ухватиться колониаторы, тонущие сейчас на тихоокеанских просторах!

Звон цепей и шелканье наручников разносятся по Соединенным Штатам Америки: американская реакция чинит расправу над передовыми борцами за мир, демократию и свободу. На наших страницах — трое из представителей прогрессивной Америки, осужденных за «презрительное» отношение к коммунистам по расследованию антиамериканской деятельности и брошенных в тюрьму. Трумэнские слухи хотели уничтожить генерального секретаря коммунистической партии США Юджина Денниса. (ВЕРХУ КРАЙНИ СПРАВА) На американских писателя Дэлтона Трумбо (ВНИЗУ СЛЕВА) и Джона Говарда Лоусона (ВНИЗУ СПРАВА) также надеты наручники. Но не с понижением, а с гордо поднятой головой шли в тюрьму эти безвинно осужденные люди, твердо верящие в то, что дело демократии, которое они отстаивают, восторжествует!

ВОПРЕКИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ

Несмотря на террор полиции, действующей в США заодно с бандами фашистского хулиганства, число подписей под Стокгольмским Воззванием непрерывно растет. По сообщению газеты «Пилд уорлд», в Сан-Франциско более 20 тысяч человек уже подписались под призывом Постоянного комитета. В южных штатах США в середине июля было собрано свыше 12 тысяч подписей. Газета «Дейли уоркер» сообщает, что в городе Акрон (штат Огайо), где находится предприятие резиновой промышленности, подписалось 8 тысяч человек. Сторонники мира посылают в Вашингтон делегацию женщин, представляющих пять поколений одной семьи из Акрона. Эта делегация примет участие в демонстрации женщин — борцов за мир, которая состоится сегодня, 8 августа, в американской столице. Демонстранты обратятся к Трумэну с требованием устранить угрозу новой мировой войны.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЕЙРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.